

Тяма
ЛІЕТ

Оксана Алексеева

Как избавиться от болезненной влюбленности в собственного ученика? А если уже допущена... небольшая неловкость? А если ученик наотрез отказывается вести себя как ученик? Да, не повезло Елене Александровне, что в пединститутах к таким вывертам судьбы не готовят. 16+

Пять лет

Оксана Алексеева

Глава 1

Еще до того как открыть глаза, я перекатилась на спину и с удовольствием потянулась. И только потом разрешила себе встретиться с утренней реальностью. Однако увидев незнакомую обстановку, мгновенно напряглась, а в голове сначала медленно, но с каждым кадром ускоряясь, замелькали ночные воспоминания. С нарастающим, как поднимающееся цунами, осознанием повернула голову и увидела спящее рядом тело.

— Ты-ы-ы?! — сама вздрогнула от резкости собственного крика.

Он открыл один глаз и сонно пробурчал:

— Че так орать-то?

Последние капли понимания раздавили без надежды на пощаду. Коршмарный сон... Ужас! Как говорят современные школьники, жесть полная. Я переспала с собственным учеником. Как такое могло произойти? Со мной?! Отмотала историю еще немного назад, чтобы отыскать тот самый момент, после которого я улетела в пропасть.

Вчера я встречалась с друзьями. Подобные вылазки в рестораны или бары наша дружная компания осуществляла раз в несколько месяцев — привычный ритуал, на время выдергивающий каждого из рутины взрослой жизни. Вот и вчера мы весело отдыхали, потом одному из наших позвонил знакомый и пригласил всех к себе. И мы, уже порядком податые, дружно гурьбой оказались совсем не против продолжения. Приехали в указанное место и обнаружили, что в довольно большом двухэтажном доме протекает настоящий бедлам: полчища незнакомых шумных людей, оглушительная музыка и море спиртного. Наша компания мгновенно приняла вызов и растворилась в бушующей толпе, которая, как мне казалось, только продолжала увеличиваться. Андрей и Настя, мои самые старинные и самые близкие друзья, которые являлись парочкой чуть ли не с самого детского сада, уже зажигательно танцевали нечто, издали напоминающее вальс, среди большой гостиной. На время выпав из-под их неусыпного контроля, я нашла себе относительно тихое пристанище недалеко от входной двери.

И сразу столкнулась с очередной группой гостей, которые заполняли этот дом почти непрерывным потоком. С неприятным удивлением узнала одного из новоприбывших. Он учился в той самой школе, где я уже второй год работаю учителем русского языка и литературы. Но Дима излишнего удивления не выказал и вежливо поздоровался, а я, скрыв смущение, ответила на приветствие. Похоже, одиннадцатиклассник ничего сверхъестественного в моем лице или неоднозначной обстановке не увидел, потому что без комментариев пошел здороваться с остальными, большинство из которых уже приветственно окликали его. Страхнув оцепенение от неожиданной встречи, я решила тоже не заикливаться. Да и что тут страшного? Никто же не думает, что учителя свои выходные проводят с тем же самым выражением лица, что и уроки? Стриптиз я тут на столе не танцую, а то, что немного под хмельком — тоже в пределах понимания. Неформально мы с этим парнем до сих пор не общались. Он был обычным хорошистом, и если вытворял что-

нибудь эдакое, то это терялось на фоне выкрутасов Влада и Славы — близнецов, которые учились в том же 11 «А».

Ко мне в очередной раз подошел незнакомец с целью «узнать друг друга поближе». И он был так нечеловечески пьян, что я решила мгновенно ретироваться к месту скопления разумных существ. Андрей с Настей вытанцовывали уже фантасмагорическую кадрили, и привлечь их внимание шансов не было. Выскользнув из хмельных объятий внезапного ухажера, метнулась в сторону и опять столкнулась с Димой.

— Пристают? — весело спросил он.

Я просто улыбнулась в ответ, а парень добавил:

— Могу рядом пока постоять. У меня талант — отпугивать мужиков.

Кивнула и отступила в затемненный угол огромной гостиной, озираясь в поисках преследователя, который как будто растворился в воздухе. А мой ученик встал рядом.

— Дима, я чувствую себя неловко, — решила я обозначить свое мнение о текущей ситуации, хотя алкоголь сильно притуплял смущение, и сказано это было, скорее, для проформы.

Тот только отмахнулся:

— Да перестаньте, Елена Александровна! Я никому не скажу, если вы из-за этого переживаете. Это будет нашим маленьким секретом, — он даже подмигнул, чтобы подчеркнуть драматизм сцены, но получилось это как-то без озорства. Как будто он, действительно, всю эту ситуацию не находил излишне занимательной.

Я издала короткий и немного нервный смешок и только теперь заметила, что Дима держит в руках маленький пластмассовый стаканчик.

— А тебе еще не рано пить?

— А вам еще не пора отключить режим училки? — на этот раз в его ухмылке проскочило настоящее веселье, но тут же добавил примирительно: — Это уж точно не первое, что я сегодня пью.

Он сделал небольшой глоток. Я же почувствовала, как внутри окончательно выходит из оцепенения пьяный педагог, на глазах которого учащийся средней школы творит непотребства, поэтому выхватила у него стаканчик.

Он удивленно воззрился на меня и после театральной паузы ехидно произнес:

— И что вы с этим будете делать?

— Как что? Мне-то можно, — сказала я и выпила все до конца. Обычное пиво. Уж от такой дозы я точно не умру, зато спасу ребенка от злоупотребления.

Дима равнодушно пожал плечами и снова расслабленно облокотился на стену. Спросил, с кем я пришла, и мы теперь вместе смеялись над ча-ча-ча в исполнении моих самых старинных и самых близких. Андрей и Настя куролесили уже в самом центре танцпола под всеобщий одобрительный крик. Вечеринкой они наслаждались по полной, раз так надолго позабыли обо мне. Вообще-то, сюда со мной приехала не только эта сумасшедшая парочка, но остальных своих товарищей по попойке я отыскать глазами в толпе не могла. Дима, как выяснилось, был другом младшего брата хозяина дома. В процессе легкого трепа я окончательно успокоилась.

Но вдруг что-то резко изменилось, как будто накатила жаркая волна: неожиданно стало душно, кровь прилила к щекам. Все-таки я превысила свою дозу спиртного, которое теперь заставило о себе вспомнить и пожалеть. Даже Дима смог заметить изменение моего состояния и нахмурился.

— Елена Александровна, все в порядке?

Я кивнула, но решила, что пора отыскать своих друзей и намекнуть, что пора и честь знать. Дима, правда, мое намерение расценил неверно — взял меня за локоть и направил в одну из комнат со словами:

— Просто отдохните от этого шума.

Он цыкнул на обитавшую там парочку, и те мгновенно испарились. Это произошло слишком быстро, чтобы я успела возразить.

— Я оставлю вас, закройте дверь изнутри и немного отдохните. Вон там ванная есть, — сказал Дима и, снова взглянув на меня, добавил: — У вас лицо слишком... красное. Вы не заболели?

Точно! Я заболела. В моем состоянии явственно ощущались симптомы гриппа. Просто выпитое не дало возможности это почувствовать сразу.

— Мне нужно домой! — сказала я и шагнула по направлению к выходу.

Дима схватил меня за плечи, и от этого прикосновения закружилась голова.

— Подождите, я провожу вас, вы совсем неважно выглядите, — проговорил он, все сильнее хмурясь. — Где ваша куртка?

Но вникнуть в смысл его слов было невозможно. Я могла только чувствовать, как его пальцы сквозь ткань прожигают кожу.

Тяжело дыша, я смотрела в его глаза. Как я раньше не замечала, какие серые, какие сумасшедше серые у него глаза? Не видела, как небрежно светлые волосы падают на лоб... Он наклонился совсем близко к моему лицу, пристально всматриваясь, чтобы оценить состояние, и тут же отпрянул, почувствовав двусмысленность положения. Но даже мимолетная близость его губ вывернула мне рассудок наизнанку. Я плохо помню, что было дальше. Но лучше бы не помнила вообще ничего.

Помню, что потянулась к нему первой и не оставила ему шанса: он сдался через пару секунд. Помню, мы целовались с такой бешеной страстью, что чуть не рвали друг на друге одежду. Помню, как оказались в постели. Помню, что я вытворяла и что вытворял он. Помню оргазм — первый в моей жизни, но это ощущение я уж точно не смогла бы ни с чем перепутать. Помню, что мы точно не остановились на одном разе...

Коршмарный сон... Ужас! Жесть полная. Я переспала с собственным учеником. Раз несколько...

Я села и натянула одеяло до самого подбородка, а потом закрыла пунцовое лицо руками, не находя сил унять нервную дрожь. Конечно, я выпивала и раньше... Но такое поведение вообще не вписывалось в мой характер! Никогда, ни при каких обстоятельствах я не вела себя подобным образом. К тому же вчера я и не была настолько пьяной, ведь даже похмелья не чувствую!

— Лена... Лен, ты не кипишуй... — раздался сбоку его голос.

Я заторможенно повернула голову. Его тело, как и мое, было прикрыто одним лишь одеялом. Это что у него на шее, засос? Кошмарный сон...

— Какая я тебе Лена?! — я чуть не захлебнулась собственным раздражением.

Он иронично изогнул бровь и повторил тем же спокойным тоном:

— Елена Александровна, вы не кипишуйте.

Хотелось орать, рвать на себе волосы, забиться в угол и расплакаться, расцарапать ему лицо. Но вместо всего этого, я сцепила зубы и попыталась взять себя в руки. Насколько это вообще возможно в подобной ситуации.

— Я... — сказала, когда смогла выровнять дыхание. — Я вообще не понимаю, почему так произошло.

Краем глаза я видела, что он так и продолжал лежать на спине, подложив под голову руку, не меняя позы.

— Они мне что-то подсыпали в пиво, — прокомментировал в потолок.

От удивления я на секунду перевела взгляд на его лицо и тут же снова отвернулась.

— Точно, — тем же ровным голосом продолжил Дима и после секундной паузы уже громче: — Вы только не подумайте ничего! Я сам только сейчас допер. И почему я не заподозрил ничего такого, когда Никита мне с хитрой рожей тот стаканчик всучил... А на алкоголь подействовало... так сказать, по полной программе.

До меня дошел весь смысл сказанного, но это вызвало только новый приток ярости:

— Вы тут что, дебилы малолетние, постоянно так развлекаетесь?!

В тоне его голоса мой гнев не находил ни малейшего отголоска:

— А вы думали, мы по выходным Анну Каренину обсуждаем? Всяко бывает. Поржать над другом — святое дело. А я, лох, уже второй раз на это попадаюсь.

— Да неужели? И как же это было в первый раз? — язвительность — самая продуктивная форма злости.

Он засмеялся тихо, и я снова мельком взглянула на него, успев отметить, что улыбаясь, он прижимает кончик языка к правому клыку. Никогда раньше не замечала за ним такой привычки.

— В первый раз пять часов подряд дрочил в ванной. Вчера все прошло явно лучше.

Я на пару секунд закрыла глаза, преодолевая поочередно приступы злости, а потом стыда.

— Ты... — я никак не могла заставить себя назвать его по имени. — Я выпила все твое пиво! Ты сделал малюсенький глоточек! Ты-то с чего сорвался?

— Елена Александровна, — голос стал уж совсем неуместно мягким. — Вы думаете, что в моем возрасте нужны возбудители, чтобы сорваться? — очевидно, он просто издевался.

Хотя, если заставить себя задуматься, его-то винить, действительно, не за что. Я сама должна была думать, а не полагаться на его подростковые гормоны.

— Едрить, как стыдно! Позорище... Какое позорище... Меня в тюрьму надо... — провыла я, не сумев совладать с очередным приступом паники.

— Это вы сейчас Достоевского процитировали? Монолог Раскольников? — он насмешливо поймал мой яростный взгляд и тут же попытался успокоить: — Ну, перестаньте уже. Не грузитесь, с каждым может случиться.

Конечно, он не способен понять постигшую меня трагедию. Я качалась из стороны в сторону, погрузив пальцы в волосы. Он долго наблюдал за моими терзаниями и вдруг спросил:

— Вы так расстроены, потому что у вас есть кто-то? И получается, вы ему изменили?

Я отрицательно покачала головой.

— А наши девчонки говорили, что вы встречаетесь с Игорем Санычем. Они вроде даже видели вас вместе, — в его голосе слышалась спокойная задумчивость.

— Не-е, — ответила я. — Он вообще гей.

— Да ладно! — Дима аж присел.

Я слегка улыбнулась от такой реакции. И только теперь до меня дошло, что он успешно меня отвлек от погружения в себя.

— Об этом никому не говори! — и тут же исправились: — Ни о чем никому не говори!

— Хорошо. Пусть наши девочки продолжают лить слезы по брутальному физруку, — он рассмеялся, но снова взглянув на меня, успокоился. — Да правда, хватит уже себя корить. И не посадят вас, потому что я совершеннолетний.

Не посадят?! Если это его успокоительная стратегия, то она больше похожа на открытую насмешку!

— Заткнись, — буркнула я.

Но он никак не унимался:

— Да я серьезно. Авария в шестом классе, я поэтому год пропустил, — он вытащил ногу из-под одеяла и продемонстрировал огромный красный шрам на бедре. Я судорожно сглотнула, потому что уже видела это... ночью.

А сейчас лицезреть его голое бедро мне нужно меньше всего на свете! В который раз резко отвернулась, на глаза так и пытались навернуться слезы отчаянья. Почувствовав осторожное прикосновение к руке, дернулась от неожиданности.

— Елена. Александровна, — отчетливо и впервые с едва уловимым раздражением произнес он. — Ничего. Страшного. Не. Произошло.

Мне хотелось выть от безысходности, но истерику пора было заканчивать, поэтому я почти решительно взглянула на него. Но увидев, что он подкуривает сигарету, спросила неожиданно для самой себя:

— Ты куришь?

Он рассмеялся, запрокинув голову.

— Да вы, наверное, в ужасе, что узнали обо мне такое!

И правда, по сравнению с остальным — мелочь. Я узнала о нем такое, что без краски на лице и вспомнить не смогу. И о себе тоже узнала немало.

— Давай и мне тогда, — он с понимающей улыбкой протянул сигарету, потом щелкнул зажигалкой.

Мы сидели рядом, не касаясь друг друга, опершись на спинку кровати и молча курили, сбрасывая пепел в тот самый пластмассовый стаканчик. Сигаретный дым без привычки казался отвратительным, но зато это отвлекало.

Вдруг Дима нарушил молчание задумчивым:

— Надеюсь, это не обязует меня теперь жениться?

Видимо, он решил, что я уже полностью готова к издевкам.

— Придурок, — отозвалась я, но уже без прошлой ярости. — Мне как-то надо выбираться отсюда.

— Пойду, разведу обстановку, одевайтесь пока, — он затушил сигарету и сел, натягивая джинсы. А я смотрела на свежую царапину на его спине. Похоже, от моих ногтей.

Дима открыл замок и вышел. Кто из нас догадался запереть дверь? Чья эта комната? Почему нас отсюда не выгнали? Он вернулся минуты через три и, поднимая свою рубашку с пола, сообщил:

— Там все давно разошлись, а хозяева дрыхнут. Никто не станет свидетелем вашего позорного бегства, — он улыбался, пытаясь сгладить неловкость между нами.

Я почти успела одеться и спешила застегнуть блузку. После этого нашла сумочку и обувь, подошла к зеркалу и руками пригладила волосы. От вчерашнего макияжа не осталось и следа. Но это как раз совсем не удивительно. Молча направилась к двери, но он шагнул наперез.

— Лена, послушай... — никакого наигранного веселья в голосе.

Я от неожиданности такого обращения посмотрела ему в глаза, чего уж точно не собиралась делать, и тут же отвела взгляд. Он пальцами поднял мой подбородок, заставляя снова посмотреть на него. Я раздраженно оттолкнула его двумя руками, заставив отступить на шаг. Вся сдерживаемая злость перехлынула через шаткие границы едва установленного контроля.

— Елена Александровна, — очень жестким, почти звенящим голосом. — Ничего не случится, если вы на меня посмотрите. Или поговорите со мной.

Я молчала, пытаюсь не закричать.

— Как меня зовут? — с еще большим нажимом.

Поморщилась от идиотского вопроса и даже не попыталась скрыть раздражения:

— Что за бред ты несешь?! Я знаю, как тебя зовут!

— Так посмотрите мне в глаза и скажите.

Я не отрывала взгляда от его пальцев, заметно нервными движениями застегивающих пуговицы на рубашке.

— Вряд ли я когда-нибудь смогу это сделать, — теперь уже очень тихо ответила я и вылетела за дверь.

Дома я два часа отмывалась в душе, но смыть хотя бы часть воспоминаний не удалось. Перед глазами вспышками мелькало то, о чем я всеми силами пыталась не думать: его тело, его глаза, его руки, мои руки на его теле, его губы, наш абсурдный разговор и снова глаза... Конечно, большую часть своих ощущений я списывала на действие препарата, но почему-то легче не становилось. Он же ребенок, школьник еще... А что я за учитель после этого?

Немного успокоившись, включила компьютер и зашла в соцсеть. Открыла список друзей и, конечно, нашла его фамилию. Почти весь класс был в этом списке. Когда училась я, то мы с преподавателями в интернетах не общались! Но теперь другое время. Кто-то уточнял у меня задания, кто-то спрашивал о личном — замужем ли я, какую музыку слушаю, чем увлекаюсь, нравится ли мне работа в школе и другое. С ним я не переписывалась ни разу. Ни одного слова. Пустой экран диалога.

Дмитрий Данилов. Заходил вчера в 16:37. На аватарке стоит в полный рост и хитро улыбается кому-то в стороне. Я почти уверена, что кончик его языка прижат к правому клыкку, хотя в показанном ракурсе этого не видно — это как раз то самое выражение лица, когда он искренне веселится. Если один раз заметишь эту привычку, то потом уже будешь безошибочно угадывать. Интересно, кто-нибудь еще это замечал? 378 друзей. Никакой информации о себе, кроме даты рождения. Да, действительно, восемнадцать ему исполнилось в январе. Жаль, что это слабое утешение. Я все равно остаюсь старше почти на пять лет. Мысли о профессиональной этике, в которую я до сих пор так свято верила, приходилось старательно отгонять, чтобы не стало еще хуже. На странице всякий хлам от друзей, многих из которых я знала по школе. Что вообще я собиралась там найти? Еще сутки назад его существование не волновало меня настолько, чтобы я хоть раз зашла к нему на страницу, хоть раз всмотрелась в фотографию. И что я собиралась увидеть теперь?

Худшее будет завтра. На урок запланирован Бунин и небольшое сочинение по нему. Бунин! Как будто очередная извращенная издевка судьбы... К чему готовиться? К смешкам и перешептываниям за спиной? К ехидной ухмылке? К тому, что в каждом его слове я буду теперь угадывать тайный подтекст? Я успею устроиться на работу в другую школу до понедельника?

В три часа ночи, так и не сумев уснуть, снова включила компьютер. Заходил сегодня в 23:48. Я пролистала все его выложенные фотографии. На некоторых он выглядел совсем мальчишкой. Впрочем, он и сейчас мальчишка. Надолго остановилась на одном снимке, где он стоит рядом с красивым светловолосым мужчиной. Отец. В этом не было сомнений, учитывая сильное внешнее сходство.

Заставила себя нажать «выход» и вернуться в постель. Завтра я пойду на плаху, надо хоть немного поспать.

Глава 2

Утром я все же выпила пару таблеток успокоительного. Лучше выглядеть немного заторможенной, чем немного... как сейчас.

До урока пролистала журнал 11 «А». Как и думала, он учился средне: пятерки, четверки, тройки и иногда двойки. Работает по всем фронтам, ничего не скажешь. Только по физкультуре стоят сплошные «отлично». По моему предмету он занимался на твердую четверку. Может, он сегодня просто не придет? Может, его долбанет приступом амнезии? Хотя если меня не долбанет тем же приступом, то проблема останется.

Он пришел. Зайдя в класс, я сразу увидела, как он продвигается к своей парте, немного прихрамывая. Следствие той самой аварии, или это я ему что-то повредила... хм... в нашу последнюю встречу? Нет, он всегда так ходил. Просто я никогда не обращала внимания на его чуть странную походку. А по физкультуре одни пятерки!

Когда он повернулся, чтобы сесть, я тут же отвела взгляд. Так, соберись, тряпка! Кто из нас тут взрослый человек? Я начала рассказывать запланированный материал, немного сбиваясь от волнения в самом начале. Но постепенно вошла в привычную колею и набрала свойственные мне темп и интонацию. Ребята, как обычно, слушали внимательно. Хотя я и сосредоточилась на том, чтобы случайно не посмотреть прямо в его сторону, но все же уловила, что Дима, кажется, вообще не отрывал взгляд от учебника. После того, как я закончила рассказ, озвучила тему сочинения и, дождавшись, когда все примутся за работу, села за учительский стол. Можно пока заполнить журнал и проверить сочинения девятиклассников.

Но сосредоточиться на работе не получалось. Удостоверившись, что Дима не поднимает головы, я позволила себе осмотреть класс. Как я раньше не замечала, какие они все взрослые? Некоторые девочки выглядели гораздо старше своего возраста: накрашенные, шикарные, настоящие молодые женщины. А парни... Остановилась на близнецах. Конечно, я и раньше понимала, что Слава и Влад очень привлекательные: стройные брютеты, различающиеся только улыбками. Понимала, но не придавала этому значения. Неудивительно, что почти все девочки в школе увиваются за ними. Они весело перешептывались и указывали на сидящего перед ними Андрея. Снова какую-то пакость замышляют! Такие шептуньи, никогда не знаешь, что выкинут, и при этом учатся на неоспоримое «отлично», что только усиливает ощущение когнитивного диссонанса.

Перевела взгляд на Андрея — некрасивое, но очень мужественное лицо. Думаю, окажись он в моей компании, никто бы и не заподозрил, что он еще школьник. Присутствующие в классе ничего не знают — это точно! Мы с моей паранойей уж точно бы не пропустили изменение в общем настроении. Ну ладно, будем утешаться этим. Я неуверенно нашла глазами светлую макушку. Он писал, подперев кулаком щеку. Почувствовав мой взгляд, не меняя положения, поднял на меня взгляд и через секунду опять опустил на тетрадь. Тук. Когда сердце снова застучало, я поняла — донимать пристальным вниманием он меня не собирается. И этим тоже можно утешаться.

«Как меня зовут?» — прозвучал в голове его раздраженный голос. Что за чушь?

В конце урока все подходили к моему столу и бросали в общую стопку свои работы. Я отвечала: «До свидания», но старалась не смотреть на лица. Кажется, катастрофа отменяется, но мне все же нужно время, чтобы привыкнуть.

В учительской сразу отыскала его сочинение. Ровный красивый почерк, ни единой ошибки — он всегда пишет очень аккуратно, это я и раньше отмечала, но никогда особо не углубляюсь в анализ. Бегло пробежала по строчкам: «Бунин... в художественном мире... образ России... лучшее из всего, что им было написано...» — общая информация, не шедевр литературной мысли, но и ничего из того, что не касается темы сочинения. Неужели я ждала, что он прямо в сочинении напишет нечто, что мне напомнит о произошедшем? Кажется, я совсем свихнулась. Чувствую, что из нас двоих он ведет себя куда взрослее.

Дома зашла в интернет. Новых сообщений нет. Почему-то меня это не обрадовало. Я так ждала последствий, что теперь чуть ли не страдала от их отсутствия! Нет, полная тишина. И завтра. И послезавтра.

Однажды я, в очередной раз обновив его страницу, увидела значок «Online» и быстро отключилась. Как будто он мог видеть меня, будто мог застучать за постыдным занятием.

В четверг в 11 «А» снова урок, на который я отправилась уже гораздо более уравновешенной, чем в предыдущий раз. И совершенно успокоилась, осознав, что ничего, абсолютно ничего не изменилось с тех пор, когда я себя еще не считала педофилом-рецидивистом. Прозвенел звонок, я уже довольно бодро сказала классу, что урок окончен, но тут случайно увидела, что он тянет руку. Я не могла оторвать взгляд от его пальцев, с ужасом пытаюсь предугадать, что он задумал. Вероятно, при этом побледнела как полотно. Он, не дождавшись моего ответа, прямо с места заявил:

— Елена Александровна, вы забыли дать домашнее задание!

В него тут же полетел учебник со стороны близнецов. Он увернулся, смеясь, а я пробубнила, что задания не будет. Боже мой... я веду себя как истеричка! А он ведет себя... как будто ничего не было. Может, у него и правда приступ амнезии? Мне бы его нервы!

— Елена Александровна, — громко позвала Эля — красивая девочка, сидевшая с ним рядом, — пойдете с нами в кафе? У одинаковых сегодня день рождения!

Они часто звали меня и Игоря Александровича, и мы с удовольствием принимали подобные приглашения выпить чай с тортом в кафе возле школы. Ученики вообще тянутся к молодым преподавателям, не испытывая при этом ни малейшего смущения. А мы, со своей стороны, не имеем права отвечать холодностью на такое искреннее проявление симпатии. Но теперь пойти с ними я не могла. Пока еще не готова сидеть с ним за одним столом и болтать о пустяках.

Я посмотрела на Влада и Славу:

— Поздравляю вас! Но вы уж извините, у меня дела сегодня.

— Знаем, знаем, — отозвался Слава, — у вас у самой день рождения завтра! Организация, чтоб ее?

— Да, — улыбнулась я, — именно организация.

На следующий день я не могла заставить себя выйти из сети, каждые три секунды обновляя страницу. Мне на стену кидали поздравления многие ученики, иногда красивые открытки с цветами, иногда стихи и приятные пожелания. Но я ждала сообщения от него. Я хотела, чтобы он меня поздравил? Или я хотела окончательно убедиться, что он мое существование полностью игнорирует? Я не приготовила ужин, не проверила сочинения, очень быстро сворачивала телефонные разговоры с родителями и друзьями. Я ждала.

В десять часов вечера сообщение на стене:

Дмитрий Данилов: С днем рождения!

И все! Точно так же, как в прошлом году! Даже Влад написал: «Поздравляю самого очаровательного учителя в школе!». Вдруг подумала, что хотела бы от него получить чуть больше пиццы для размышлений! Я так волновалась из-за произошедшего, а он никаким действием не показал, что его это тоже волнует. Почему я разочарована? Почему было бы лучше, если бы он вообще ничего не написал, чем так, словно в самом деле ничего не изменилось? Это был худший день рождения в моей жизни. Но должна признать — я сама его испортила.

А потом все вернулось на круги своя. Уроки проходили без эксцессов, и я наконец-то полностью успокоилась. Ну, почти... На очередном занятии задала вопрос и увидела две поднятые руки — Славину и его.

— Слава, — выбрала я.

Но Влад вдруг заявил:

— А вы чего Димку игнорите? Уже не в первый раз замечаю! У Славки пятерки и так на каждом уроке!

Я заставила перевести взгляд на вторую поднятую руку. «Как меня зовут? Как меня зовут?».

— Действительно, я и не заметила этого, — голос чуть охрип. — Данилов, давай ты к доске.

В классе все удивленно переглянулись. Я почти никогда не называла учеников по фамилии. В самом крайнем случае добавляла имя.

Он вышел, ответил на вопрос. Никаких лишних эмоций. Мне осталось только констатировать:

— Садись, отлично.

Да я сама все порчу! Сама вызываю подозрения! Дима, тебя зовут Дима! На следующем уроке обязательно произнесу эти четыре буквы, иначе действительно лучше переводиться в другую школу. Или к психиатру сходить.

После уроков я зашла в кабинет к школьному психологу.

— Здравствуйте, Юлиана Юрьевна! Мне нужна ваша помощь! Ну, профессиональная, — я заявила это веселым тоном, на который долго настраивалась в коридоре.

— Заходите, заходите, Леночка! Сделаю все возможное, у меня все равно никакой работы нет. Садитесь, рассказывайте.

Я взяла себя в руки и, собравшись, выдала:

— Знаете, я никак не могу выкинуть одного человека из головы. Это мучает меня. Мешает жить.

— Влюбленность? — деловито поинтересовалась она.

Я смутилась.

— Нет, но... Я постоянно думаю о нем. Днем и ночью. Не могу себя заставить посмотреть ему в глаза. Даже мысленно не могу назвать его по имени.

— А-а, значит, влюбленность, — резюмировала она. — Леночка, так радуйтесь! Это же окрыляет! Вы попробуйте открыться и, возможно, вас ждет взаимность.

Меня точно ничто не окрыляло, но я ответила:

— Ничего меня не ждет.

Она широченно ухмыльнулась:

— Понима-а-а-ю! Игорь Александрович? — а она точно психолог? — Да, Леночка, тут возникают сложности...

Видимо, она тоже в курсе ориентации моего коллеги и друга. Ну, пусть будет Игорь. Я кивнула.

— Так и что мне делать?

— Ничего! Само пройдет! — она точно не психолог! — Давайте коньячку вмажем? Помогает иногда.

Я не стала отказываться, но это не помогло.

Дома я не находила себе места. Влюбленность, значит? Да какая, к черту, влюбленность?! Хотя... это бы отчасти объяснило, почему я ежедневно просматриваю все фотографии на его странице и могу полчаса разглядывать ту, где он снят крупным планом, улыбается кому-то. В очередной раз открыла его страницу. Появилась одна аудиозапись.

Прослушала. Это вообще музыка или какофонический набор звуков и слов? Прослушала еще дважды. Собралась и пошла в магазин за сигаретами. Поставила песню на повтор. Что за бред они поют? Кроме припева, слова вообще разобрать невозможно! Прослушала еще раз двадцать. Покурила. Выкинула сигареты в мусорное ведро. Поставила песню на телефонный вызов.

Пройдет — сказал психолог. Значит, пройдет. Или потом схожу к настоящему психологу.

А в школе ничего не менялось. Взгляд сам всегда выцеплял его в любой толпе, но он просто здоровался и отворачивался. Почему я раньше не замечала, что девочки клеятся не только к близнецам?

В последний день перед зимними каникулами я вела урок в девятом классе. Неожиданно меня вызвала завуч и попросила пойти с ней к директору. Я дала ребятам задание для самостоятельной работы и отправилась за ней.

— Оксана Алексеевна, — меня немного волновала причина, по которой выдернули с урока, — что-то случилось?

— Директор сам скажет! — отрезала она. Чем она так сильно недовольна? Я перебирала в уме возможные причины, но ни одной стоящей не находила.

Владимир Валентинович — добродушный, но справедливый директор — ждал меня в коридоре возле своего кабинета.

— Что случилось? — я даже забыла поздороваться.

— Драка случилась, — его голос был привычно мягок. — В столовой, прямо на глазах у меня, Оксаны Алексеевны и других учителей.

Я взглянула на завуча. И как бедненькая мегера смогла такое пережить?

— Елена Александровна, — продолжил директор, — все, что мы поняли: причиной конфликта послужили именно вы. Там у меня в кабинете сидят ученики из 11 «А» и 11 «Б». Возможно, вам самой стоит поговорить с ними, что такое поведение в рамках школы недопустимо. Драку начал Данилов, а близнецы, похоже, только ждали повода. Как обычно.

Данилов. Тук. Тук... Тук. Как сломанный барабан внутри. Проямлила:

— Я поговорю с ними... выясню причину.

— Елена Александровна, — резкий голос Оксаны Алексеевны заставил вздрогнуть. — Мы пришли к мысли, что, возможно, вы сами дали некоторый повод? Конечно, мы понимаем, вы молодая женщина, но они подростки! Впечатлительные и несдержанные. Необходимо помнить о дистанции между учителем и учениками!

Дистанции? Рассказала б тебе в картинках, как я держу эту дистанцию...

— Я могу поговорить с ними наедине? Думаю, тогда они будут более откровенны, — сказала я чуть резче, чем собиралась.

— Конечно, конечно, — мягко ответил директор, — мы ведь даже не успели пообедать из-за этого всего. У вас минут пятнадцать. Если закончите раньше, закройте дверь и занесите мне ключ в столовую.

И они зашагали от меня по коридору. Злость билась где-то в горле, рывками. Помнить о дистанции! Да я забыть об этом не могу! Вдохнув, я открыла дверь в кабинет.

Он сидел на стуле, остальные стояли. Трое из «А», четверо из «Б». Все были растрепанные и помятые. У стоявшего впереди Захарова из 11 «Б» наливался под глазом синяк.

— Елена Александровна, вы нас извините, — тут же начал Захаров. — Я про вас пошутил. Просто пошутил! А Данилов как с цепи сорвался! А пацаны потом уже подтянулись, — он указал на угрюмую троицу за его спиной. — И одинаковые тоже. Да я ничего такого и не сказал! Вы хороший учитель, я правда так считаю и не хотел, чтоб... Просто пошутил! Я сказал только...

— Не надо, — перебила я. — Я тоже была в вашем возрасте и тоже обсуждала учителей. Можете идти.

И эта четверка, повторяя: «Извините», покинула кабинет.

— Зачем? — хотя, кроме него, тут оставались близнецы, я задала вопрос одному человеку.

Он поднял голову, но на этот раз я взгляд не отвела. Он молчал, слегка улыбаясь, тоже пристально глядя на меня.

— Елен Санна, да вы чего только на Димку наезжаете? — подал голос Влад, но я не повернулась в его сторону. — Этот Захаров тот еще мудака, давно выпрашивал!

Я сказала по-прежнему только ему:

— Завуч и директор считают, что это я дала повод.

— У-у-у-у-у, — протянул Слава. Голоса у близнецов тоже немного отличались. У Славы голос был более чистый, без хрипотцы, — ну, простите! Мы же не думали, что так получится! Мы не собирались вас подставлять!

— Зачем? — металлическим голосом я повторила свой вопрос.

Влад и Слава больше не вмешивались, заметив, что их реплики моего внимания не привлекают. В комнате воцарилась тишина, но он нарушил ее оглушительно тихим и отчетливым:

— Как меня зовут?

Близнецы удивленно переводили взгляды с меня на него. Я не выдержала и отвернулась.

— Уходите! Мне надо закрыть кабинет.

Он встал и вышел первым.

Залетев домой, даже не раздевшись, включила ноутбук. Я ждала хоть каких-то объяснений! Одно новое сообщение. Затаила дыхание, но тут же разочарованно выдохнула — не от него.

Владислав: Елена Александровна, извините нас, пожалуйста! Мы меньше всего хотели доставить проблемы вам!

Елена: Не волнуйся, Влад, я не сержусь) Только больше не деритесь!

Владислав: Обещаю, что ни в одной из будущих драк Ваше имя больше не прозвучит))

Елена: Как мило!

Владислав: А че у вас с Димкой произошло?

Елена: Ничего.

Владислав: Ну ничего так ничего) Тогда он сегодня не взбеленился на пустом месте) Захаров безусловный мудака, но он реально не сказал ничего особо оскорбительного! Скорее, даже комплимент! Матерный))) И в кабинете директора вы оба вели себя совсем не странно) И еще вы постоянно вызываете его к доске))))

Елена:)

Владислав: Ладно, понял, не мое дело) До свидания! И извините еще раз. Славка вообщем от отчаяния волосы на себе рвет! Еще немного, и он перестанет быть таким же красавчиком, как я)))

Елена: Привет ему от меня.

Закрывает диалоги и перешла на его станицу. Онлайн. Какого черта ты творишь, придурок? Почему ничего не объясняешь? Я решила спросить у него об этом прямо, но остановила себя в последний момент. Может, действительно, лучше ничего не делать? Завтра начинаются зимние каникулы. А потом все пройдет.

Насколько было велико мое волнение в самом начале, настолько же глубока теперь стала апатия. Я отказалась ехать на Новый год к родителям и почти не выходила из дома. Мне звонили друзья, звали развлекаться. Я отказывалась от всех приглашений. Но от этого Настиного звонка будто ожила.

— Слушай, помнишь, мы на хате гуляли? Ну, у Кости и Никиты!

Замерла. Ага, кое-что припоминаю.

— Короче, они зовут нас на Новый год! Будет так же шумно! Пошли?

— Пошли... — отозвалась я.

Было, в самом деле, так же шумно. Только его там не было. Я не настолько идиотка, чтоб не признаться себе, зачем шла туда. Не знаю, чего конкретно я ждала от нашей встречи, но мне было крайне нужно, чтобы уже хоть что-то произошло. Только его там не было.

Я села на диван, с которого была видна входная дверь и с надеждой всматривалась в каждого входившего. Андрей с Настей танцевали рубму с элементами джиу-джитсу, и это выглядело со стороны весьма забавно. Но я все равно каждую секунду возвращала взгляд на дверь.

Что будет, если он придет? Может, мы хотя бы сможем поговорить? Может, после этого мне станет легче?

— Привет, — ко мне подсел Костя, хозяин дома, — мы с тобой в прошлый раз немного общались. Лена же?

— Да, — я улыбнулась ему. Симпатичный. Достаточно симпатичный, чтобы стать выходом. Но, кажется, я искала не выход, а вход. — А где твой брат? Что-то сегодня его не видно.

Он иронично улыбнулся:

— Он с друзьями тусит в другом месте. Зачем тебе Никита?

— В прошлый раз он мне что-то подсыпал в пиво, — прямо сказала я, думая о том, с какими именно друзьями тот тусит в другом месте.

Костя неподдельно удивился.

— Да ну! Не может быть! Он, конечно, тот еще гаденьш, но никогда не прикалывается над чужими. Они только между собой звереют! Летом его друзья выкинули голого из машины и уехали! Я так ржал, когда он пришел домой, прикрываясь какими-то веточками! Но у них вроде бы строгое табу на тех, кто в их сатанинский кружок не входит...

Ах, ну да. Пиво-то не мне подсунули. Я очень хотела узнать больше про Никитиных «друганов», но... вдруг очень ясно осознала, что трачу тут время попусту. Дома лучше. Дома можно по кругу слушать одну песню. Я встала, извинилась и пошла на выход, помахав напоследок удивленной Насте, как раз изогнутой в каком-то марсианском танго.

На улице вызвала такси. Сегодня сдерут немало, да и пусть. Отключив телефон, я услышала звуки приближающейся компании. Замерла. Там был он, Никита и трое других парней. Он был зверски пьян, шатался и что-то громко распевал вместе с остальными. Правда, заметив меня, притормозил рядом, изобразил нелепый реверанс и проговорил как можно более отчетливо:

— Здравствуйте, Елена Александровна!

И тут же прошел мимо меня в дом. А ко мне подлетел Никита:

— Э-э! Ты куда собралась? Пойдем назад, с нашим приходом тамошня тоска издохнет мгновенно! Ща Диман им устроит королевский сабантуй.

Я обернулась на уже закрывшуюся за ним дверь. Зачем вообще я приходила? Что я сама с собой творю? Что делаю с собой и своей жизнью?

— Нет. Мне пора, — твердо ответила я и направилась к подъезжающему такси.

Это был худший Новый год в моей жизни. Но должна признать — я сама его испортила.

Глава 3

За два дня до начала третьей четверти я решила позвонить Игорю. Пригласила его к

себе, заявив, что мне срочно нужно поговорить, потому что сама я справиться с возникшей проблемой не в состоянии.

— Конечно, лапушка, — весело ответил мой друг. — Часа через два буду. Чего захватить? Коньяк, мартини, пивасик? Я имею в виду, насколько серьезна твоя проблема по шкале от нуля до ста?

— Тысяча двести семьдесят четыре. Или около того, — ответила я.

— Ну, тогда водку, — серьезно резюмировал мой друг и коллега по работе.

Я уж точно не самая ярая фанатка водки, но, похоже, в крайних ситуациях нужны крайние меры.

Мы сначала выпили, не забывая употреблять и приготовленные мной до его прихода закуски. Мое волнение почему-то никак не сдавалось под натиском алкоголя. Но я все же решила, что Игорю могу довериться. Уж точно не в его характере... и не в его положении осуждать людей. К тому же, он почти сразу, как мы сдружились, рассказал о своей ориентации. Наверное, хотел в зародыше погасить любую вероятность надежды на отношения. И это, по-моему, характеризовало его только с положительной стороны. Настроилась и заявила:

— Я переспала с одиннадцатиклассником.

Он разинул челюсть и восхищенно прокомментировал:

— Ты исполнила мою самую тайную сексуальную фантазию! Давай, давай, рассказывай все.

Я рассказала, не скрывая ни одной детали, только имя само собой почему-то не упоминалось. Заодно и описала, что происходило со мной после этого.

— Понимаешь, — заканчивала я исповедь, — я просто не могу теперь взять себя в руки! Я вообще его не замечала до этого, а теперь просто не могу не замечать. Во всяких фильмах показывают ситуации, когда парень неожиданно появляется из ниоткуда или становится свидетелем тайного разговора, а девушка этого не видит и попадает в очередную неловкую ситуацию. Так вот, чушь все это! Я физически чувствую его присутствие, я вижу его в любой толпе с любого расстояния, даже как они курят за углом... вроде бы с Владом, хотя и не думаю смотреть в ту сторону. У меня как будто радар включился, настроенный только на него.

— Этот сученьш опять закурил? — вставил Игорь. — Я про Влада. Славка точно не курит, я знаю. Если б Влад не страдал херней, то вполне бы мог задуматься о профессиональной спортивной карьере...

Я почему-то совсем не хотела говорить о спортивной карьере Влада. Уверена, тому с его-то мозгами и деньгами родителей тоже не особо хотелось об этом говорить.

Игорь сам вернулся к теме моего волнения:

— Димка Данилов, да?

Отвисшая челюсть и круглые глаза — все, что я могла предложить в качестве ответа.

— Ка-а-ак?!

— Методом исключения. Это не один из близнецов, как я уже понял, а он следующий претендент на статус разбивателя женских... да и мужских сердец.

Еще более отвисшая челюсть и совсем уж неприлично круглые глаза.

— Ты... Тебе он нравится?

Игорь рассмеялся:

— Не нравится мне он не может. В нем есть это... не знаю, как сказать. То, что

невозможно не заметить. Только ты почему-то ходила как слепая, пока он прямо тебе перед носом не продемонстрировал лицо! И все остальные части тела.

Я смутилась.

— Но, — продолжил этот уж слишком раскованный товарищ, — если ты спрашиваешь, влюблен ли я в него, то нет. Совершенно точно. Даже если бы он был из наших, то у нас все равно ничего бы не вышло. Он, безусловно... как бы тебе это помягче... лидер. И, допуская мысль, полидеристее меня, — Игорь подмигнул. — А я к смене позиции пока не готов.

Смутилась еще сильнее. А в голове опять замелькали картинки из воспоминаний с участием того самого... лидера. Да, он умудрялся перехватывать инициативу даже в моем совершенно буйном состоянии...

Мой друг решил поддержать:

— Ты его старше лет на пять? Из-за чего так паришься? Разница совсем не катастрофическая! Ну не афишируйте свои отношения в школе, до выпускного всего несколько месяцев, и вообще никаких проблем. Ты — красавица, внешне разницу в возрасте незнакомые и не заметили бы.

— Нет никаких отношений. Я же говорю тебе, он... как будто вообще не замечает меня.

Игорь задумчиво спросил:

— А давай порассуждаем логически? Если бы после того случая он начал изливаться тебе в признаниях, что бы ты ему ответила?

— Отшила бы, — после недолгих раздумий я была в этом уверена. — Если бы он создал мне проблемы, то я бы думала об их решении, а не о нем.

— Во-от, — лицо Игоря растянулось в улыбке. — Гляди-ка, какая хорошая стратегия вырисовывается! Ты влюбилась именно потому, что он не создал тебе проблем. Ты заметила его, увидела в нем мужчину, потому что больше тебя ничто от этого не отвлекало.

— Я не влюбилась! — перебила я.

— Не влюбилась, не влюбилась! Просто так сильно хочешь, что готова на стены лезть.

— Не хочу! — отрезала я и покраснела.

Это развеселило Игоря еще больше. Или это его так водка развеселила? Я почему-то не чувствовала облегчения оттого, что выговорилась. Узнала только, что его привлекательность мне не померещилась. Он, оказывается, уже раскрученный секс-символ... Ну по крайней мере, в широком кругу из двух человек. Заметив мое смятение, Игорь продолжил:

— Попробуй поговорить с ним. Не удивлюсь, если он сейчас мучается точно так же.

— Нет! — и более мягко. — Я не смогу... К тому же, при таком полном вакууме с его стороны, на такое решиться совсем уж нереально.

— Вакуум? — изумился мой разговорчивый собутыльник. — То есть «переспали — не повод для знакомства»? Или ты и правда думаешь, что у парнишки тогда не было выбора?

На самом деле, я вообще об этом не думала, а теперь вдруг ясно осознала — Дима вполне мог найти себе девочку на одну ночь, если дело только в гормонах, вполне мог и остановить наше сумасшествие. Он не был ни пьян, ни под тем препаратом. Но для твердого убеждения в чем-то все же было недостаточно улики.

— Что ты знаешь о его травме? — я решила немного сменить тему.

— Когда он вернулся в школу, я как раз работал первый год. Они вместе с матерью серьезно пострадали в аварии. Его родители вроде после этого развелись, я не в курсе подробностей. Вначале он вообще сильно хромал, но освобождением от физкультуры никогда не пользовался. А теперь уже полностью реабилитировался. Когда бегаешь — вообще

не заметишь, только когда ходит — да и то, если знаешь, на что обращать внимание. Если б не эта травма, ему бы точно светила спортивная карьера...

Да что ты заладил со своей спортивной карьерой!

— И что мне делать, как думаешь?

— Перестать быть душой? — с улыбкой заметил Игорь, и я поняла, что этот разговор пора заканчивать.

— А у тебя кто-нибудь есть? Ну так, чтобы постоянно встречаться?

Он вдруг опустил голову и улыбнулся устало тарелке.

— Нет, лапушка. Я уже лет десять как безнадежно влюблен в своего друга... А он женат уже, счастлив.

Вот как... Это действительно тупик, а не глупая разница в возрасте и обычное неумение разговаривать...

Мы проболтали до поздней ночи. Уходя, Игорь вдруг ухмыльнулся:

— Лапушка, а ты ведь ни разу не назвала Данилова по имени за весь вечер!

Они что, сговорились все?!

— Дима его зовут, — выдавила я и уже увереннее повторила: — Дима!

Дима... Какое мягкое созвучие. Создает улыбку. Оно и есть улыбка. Ди-и-и-ма. Слово, которое можно говорить во сне, почти не размыкая губ и не нарушая тишины. А если совсем тихо и коротко — Дим — больше похоже на выдох. Дима. Дим. Дмитрий. Но Дима — лучше всего. Как смеющийся колокольчиком ветер. Ди-ма.

В первый же рабочий день меня огорошила налюбимейшая Оксана Алексеевна:

— Елена Александровна! Надеюсь, прошлый конфликт полностью исчерпан и подобного больше не повторится? — и, не дождавшись ответа, добавила: — У 11 «А» заболел классный руководитель. Найдите 5–6 добровольцев из парней, у них сейчас в спортзале совместный урок с другим классом. Нужно, чтобы они сделали декорации для школьного спектакля. Вот список — распределите обязанности и проследите за выполнением.

Конечно же, прекраснейшая из Оксан, чудеснейшая из Алексеевн. Мне же больше заняться нечем! Почему нынче цианид?

Я побрела в спортзал. Парни из двух классов играли в баскетбол, а девчонки сидели на лавочках, шумно комментируя происходящее. Как давно я его не видела... С той самой неприятной встречи на новогодней вечеринке.

Близнецы и Дима сильно выделялись на фоне остальных, я зачарованно следила за их слаженными движениями, поражаясь скорости и плавности каждого шага. Действительно, когда он бежит, заметить хромоту невозможно. Слава увидел меня и широченно заулыбался, а Влад помахал рукой. Я повторила его жест, наблюдая как он тут же резко кинул мяч в Захарова. Тот не успел среагировать и от удара упал.

— Захарушка, — притворным фальцетом заверещал Влад, — зайнька моя! Ты не ушиб попку?

Слава с Димой подскочили к упавшему, подняли и, нарочито серьезно отряхивая тому форму, приговаривали: «Где вавочка? Дай подую! Мя-я-ячиком, да прямо в ли-и-ичико! Ну что ж за невезение-то такое, кривые твои рученьки!». Раково-красный Захаров пытался их отпихнуть от себя под громкий хохот девчонок, но ему это никак не удавалось.

Вот же тройца идиотов!

Ко мне подошел Игорь, и я быстро изложила ему причину своего визита. Он дунул в свисток, привлекая к себе внимание и останавливая сцену Захаровского позорища. Странно, что он не сделал этого раньше! Парни тут же уставились на него.

— Так, школота, слушай сюда. Нужна пятерка добровольцев, чтобы делать декорации! Андрей, ты сегодня отжимался лучше всех, поэтому завоевал первое место в этом списке! Одинаковые, вы точно идете, вам энергию некуда девать. Димка, хромай за ними, а то у Захарова от тебя уже нервные судороги. Кирилл и Стас, вы кто? Добровольцы или любители долго и мучительно приседать?

Последние оказались добровольцами.

— А мы тоже хотим... делать декорации! — заявила Эля, сидевшая на лавочке.

— Нет, дорогуша, — отчеканил физрук, — если и вы пойдете, то там, вместо декораций, все начнут безудержно отжиматься! Андрюха вон чуть слюной не захлебнулся от твоего сегодняшнего прикида.

Эля, кажется, была довольна таким завуалированным комплиментом.

Я благодарно улыбнулась Игорю и отправилась в класс. Парни, как и я, захватили свои вещи и покидали на одну из парт.

Все уселись кружком, а я вполне адекватно вела себя в его присутствии. Сразу видно, что я взрослый и рациональный человек!

Нам было нужно сделать несколько «деревьев» для спектакля. Дима тут же поднялся и сказал:

— Я за палками! Они в подсобке, — и ушел.

Кирилл и Стас сели вырезать листочки из цветной бумаги, а близнецы начали фехтовать найденными указками. Я подошла и отобрала у них грозное оружие, заставив тоже заняться делом.

— Ой, Елен Санна, это ваш телефон играет? — спросил Слава. — А что за музыка? Что то до боли знакомое! У кого-то из наших такая же...

Где играет?! Точно! В сумке, заваленной вещами... Я метнулась к этой куче, впервые за всю предыдущую и всю последующую жизнь за две секунды отыскала в своей сумке телефон и отключила вызов. Черт! Какого лешего я поставила эту песню на звонок?! Подняла глаза и увидела, как Дима подходит, держа в руках палки разной длины. Он ведь не слышал? Не слышал же?! Но как он мог не услышать? Может, просто не обратил внимание? Ну конечно, если «у кого-то из наших такая же стоит».

— Эээ... что-то не так? — спросил, оценив выражение моего лица. Если он слышал, если он понял, что на моем телефоне стоит единственная песня с его страницы и спрашивает «что-то не так?», то я просто мечтаю о таких нервах! Это сразу в разведку или в космонавты надо идти. Или в президенты. Или в разбиватели сердец. А вся моя многодневная настройка на спокойствие летела ко всем чертям! Я уронила телефон на пол, не сумев совладать с ватными от страха пальцами.

А он, не сводя с меня глаз, подошел ближе.

— Елена Александровна...

— Что тебе надо? Все в порядке! Что тебе надо?! — почти крикнула, боясь, что если он сделает еще шаг, то я разревусь. Он тут же развернулся и пошел сгружать палки на свободную парту.

Остальные шокировано смотрели на меня.

— Извини, — заставила я себя сказать, но получилось слишком тихо, и после этого

повторила громче: — Извини. И вы, ребята, извините. Устала что-то сегодня. Я не хотела... быть резкой.

Благодаря близнецам и, как ни странно, Диме все быстро вернулись к веселой болтовне. Работу они закончили за неполный час, я только помогала привязывать листочки к палкам зелеными нитками.

Когда все было сделано, я почувствовала облегчение. Мне просто надо отдышаться. Вне его присутствия. Скорее домой! Кирилл и Стас уже убежали, а я, натягивая куртку, поспешила за ними. Но путь мне перекрыл Влад, вертя в руке ключ от класса. Но он может и сам сдать ключ на вахту — это обычное дело! Я удивленно уставилась на него:

— Еленочка Александровна! Я тут подумал, что у нас со Славкой по-любому пятерки будут по вашим предметам, так что рисковать нам нечем.

До меня дошло, что он задумал, когда Слава, понимающий брата с полуслова, встал в дверном проеме, не давая выйти Диме. Тот, видимо, тоже понял, потому что остановился, опустив голову.

Подарив нам две разные улыбки, эти два отброса общества вышли за дверь, которую тут же заперли.

— У вас полчаса! — сказал кто-то из них.

— Если будет мало, то оставьте в двери записочку. Мы — люди понимающие! — добавил второй.

Вот мерзавцы! Убью! Да что это вообще такое? Я учитель! Что они себе позволяют!

Дима снял сумку с плеча и присел на ближайшую парту, глядя на меня без тени улыбки.

Пауза затянулась. Я кое-как собралась с духом. Знаю, что я должна ему сказать! Я посмотрела прямо и произнесла:

— Дима.

И он наконец-то улыбнулся, а я заметила кончик его языка под правым клыком.

Глава 4

— Дима.

И он наконец-то улыбнулся, а я заметила кончик его языка под правым клыком.

Я неуверенно улыбнулась в ответ, а Дима тут же шагнул в моем направлении, заставив отступить и наткнуться на учительский стол. Я решила перехватить инициативу, испугавшись того, что он может сделать. Или что я могу сделать.

— Дима, может, давай уже, действительно, поговорим?

Он остановился и наклонил голову набок, продолжая смотреть прямо на меня.

— Тогда... это было ошибкой! — продолжила я. — А твоего Никиту вообще посадить за такое нужно.

После недолгой паузы парень выдал многозначительное:

— И?

— Что «и»?! Чего ты вообще хочешь?

— А разве похоже, что я чего-то хочу?

И вот теперь я точно почувствовала себя полной дурой. Ведь он, на самом деле, не сделал после того случая ничего, что могло бы хоть как-то ухудшить мое положение. Все делала я сама.

— Ты прав. Извини. И за то, что накричала раньше, извини еще раз, — я решила

свернуть этот разговор и вообще эту тему. Навсегда.

— Елена Александровна, — я вздрогнула от неожиданной холодности в его тоне, — так ты... вы признали мое существование?

Что опять за пафосная ерунда?

— В каком смысле?

Он спросил очень серьезно:

— Я вам нравлюсь?

А вот в этом направлении мы разговаривать точно не будем!

— Я старше на пять лет! Я твой учитель!

— Я вам нравлюсь? — точно тем же тоном.

— Нет!

— Песенка на вашем телефоне... Скажите, что это совпадение, и я притворюсь, что поверил.

Ну, точно в космонавты! Или в президенты. Или в разбиватели... женских и мужских. Я окончательно разволновалась от осознания, что он все-таки заметил. И поняла, что мое волнение видит и он.

— Нет... Но... Это просто какое-то помешательство!

— Помешательство? — таким мягким голосом он может уговорить меня на что угодно! — Ну... так может, надо дать ему выход? У меня тоже... в некоторой степени помешательство.

Это что? Признание, что для него последние два месяца тоже не прошли бесследно? Да вот только почему-то руки трясутся у меня одной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты идиот?

— Не знаю. Вы мне скажите.

— Ты идиот!

Он наконец-то отвел глаза в сторону.

— Допустим. Но и вы тоже не образец адекватности, это уже даже близнецы заметили. Так почему бы нам...

Я перебила:

— Ты совсем больной? Если я... если... Да меня просто-напросто уволят!

Он перевел смеющиеся глаза снова на мое лицо.

— До сих пор не уволили. А у нас уже с вами все было, — сделал ударение на «все», а я под землю была готова провалиться.

— Да ничего бы не было, если бы не твой тупой приятель! — заметила раздраженно.

— Знаю.

Я решилась посмотреть на него. Сегодня, именно сейчас надо поставить точку во всей этой истории.

— Дима, — почему мне так нравится это слово? — Я действительно все это время не находила себе места, — мне удавалось говорить все спокойнее и увереннее. — Но это от стыда, а не от симпатии к тебе. Да, ты привлекательный, если тебе нужна оценка для уверенности в себе, но для меня это не имеет значения. Ты моложе и совершенно не в моем вкусе, поэтому не придумывай ерунды. Мне вообще никогда не нравились блондины, если уж на то пошло.

— А мне никогда не нравились училки, если уж на то пошло, — спокойно

констатировал он. — Но... я бы рискнул попробовать.

Это снова выбило из уже почти достигнутого равновесия:

— Дурак! Как ты себе это представляешь?! Мы будем скрывать ото всех, включая родителей и друзей, наши отношения? А потом что? Торжественный камин-аут?!

— Потом — ничего. Сразу после выпускного я уезжаю учиться в Бельгию, на пять лет. Там у меня мать, и это давно решено. И это одна из причин, почему я... ничего не делал. Гораздо более серьезная, чем все остальные.

Уезжает? Может, именно поэтому у него нет постоянной девушки? Почему мне так пусто от мысли о том, что через пять месяцев я не смогу даже случайно увидеть его в городе?

— Я рада за тебя. И теперь мне вообще непонятно, что ты предлагаешь.

Он поморщился:

— Да не хотел я ничего предлагать! Если б не одинаковые, то вообще бы просто все пустил по течению. Но... знаете... ведь можно просто жить! Есть только здесь и сейчас, а что будет потом — покажет время. Я выкинуть не могу... это... из головы. И теперь знаю, что в вашей голове тоже не все так гладко, как вы говорите. Так, может, будем просто жить? Ведь я нравлюсь вам.

Кажется, нравишься до такой степени, что я готова безвылазно в этом классе провести остаток жизни!

— Нет!

После долгого пристального взгляда он кивнул и пошел к парте с вещами. Взял мой мобильник, который я так и не успела убрать в сумку, включил и начал набирать номер. Нажал вызов. Когда в заднем кармане у него заиграла та же мелодия, скинул.

— Что ты делаешь? — я была вне себя от такой наглости.

— Пусть будет. На всякий случай.

— На какой еще случай? — я раздраженно выхватила у него из рук свой телефон.

— Чего вы так распереживались, Елена Александровна? Придете сейчас домой, удалите исходящий, замените мелодию на звонке и будете жить по-прежнему спокойно. Делая вид, что ничего не происходит.

Умный какой!

— А тебе мой номер зачем?

— Звонить вам буду, — он дал мне секунду на стон отчаянья, — из Бельгии. Соскучусь, так сказать, по родной речи, а кто мне лучше ее напомним, чем учитель русского языка и литературы?

Я ничего не ответила. Все оставшееся время мы молчали, сев за разные парты и не смотря друг на друга.

Наконец, в дверь класса постучали. И только через несколько секунд вставили ключ в замок. Близнецы вернулись. Влад вошел первый, прикрывая глаза ладонью.

— Данилов, ты одет? Моя детская психика не вынесет вида твоих труселей или чего похуже! — он раздвинул пальцы, оценил одним глазом обстановку и только после этого убрал руку.

— Вы поговорили? — спросил шедший следом Слава. — Хвала однойцевым — вершителям человеческих судеб?

— Похоже, нет... — заметил Влад, пропуская Диму, который быстро вышел, ничего им не ответив.

У меня тоже не осталось сил ругаться еще и с этими придурками.

Дома я сменила мелодию на звонке, но его номер удалить так и не решилась. Подумав полчаса, я все же посчитала, что мне будет легче, если его не будет. Взяла телефон и... внесла в список контактов с надписью «Он». Интересно, Дима знал, что я не смогу или проверял меня? Или заставил меня проверить себя?

Но теперь со мной все будет хорошо. Прямо с завтрашнего дня! А номер я оставила не потому, что собираюсь ему звонить, а на случай, если он позвонит мне! Тогда я смогу не взять трубку. Но проклятый телефон так и не издал ни звука.

Назавтра у нас в 11 «А» был запланирован урок «Тема любви в современной поэзии», и ученики должны были приготовить какое-нибудь стихотворение по своему выбору. Все, особенно девочки, радостно восприняли такую тему. Но сейчас я сомневалась, что хочу слышать стихи о любви в его исполнении. Я и так в последнее время неважно сплю.

Вошла в класс. После привычного приветствия напомнила тему и спросила:

— Кто начнет? Прошу к доске!

И руки подняли все, за исключением моего персонального демона. Особенно старательно потрясали конечностями Слава и Влад, что несколько настораживало. Так, оставим этих двоих напоследок, а то они как отчебучат чего, потом остальных в порядок не приведешь. Лучше начать с девочек!

Я по очереди вызывала учеников и не жалела для них пятерок. Стихи иногда были ванильно-приторными или трагично-плаксивыми, но это то, что им нравится, то, что их волнует. В любом случае, они заслуживают поощрения, что не стесняются искренне продемонстрировать личное. А стихи — это всегда очень личное.

Долго ли, коротко ли, но передо мной остались только две руки — близнецов. Ну что ж, Леночка, готовься к феерии. Я решила начать с низкого градуса, то есть со Славы.

Он вышел, дождался тишины и принялся декламировать торжественным голосом, растягивая слова и делая необходимые паузы. Я никак не могла уловить, где слышала эти идиотские стихи, но класс ржал. До меня дошло, только когда девочки чуть ли не хором начали подпевать — Слава просто читал строки популярной песенки, в которой от поэзии были только рифмы на концах предложений.

Пытаясь заодно со всеми не рассмеяться, я кое-как остановила всеобщую истерию. И заявила Владу, который уже собирался выйти на «сцену»:

— Если у тебя очередной ресторанный шлагер, лучше не надо!

Он демонстративно надулся и заявил:

— Елена Александровна, обижаете! Когда это мы повторяли один и тот же прикол дважды?

Мне пришлось разрешить ему выйти. Однако когда я увидела, что Слава упал головой на парту, сотрясаясь всем телом от беззвучного смеха, приготовилась к худшему.

— Ищу избранницу такую,

Чтоб королевою ходила.

Чтоб только видом своим голым

Меня к оргазму приводила.

— Влад! — мне удалось перекричать аплодисменты.

Он поднял палец вверх и с очень серьезным видом произнес:

— Поэзия! Но я тогда продолжать не буду, хоть там самый смак начинается.

— Уж сделай одолжение — не продолжай!

Он, сопровождаемый смехом, покорно направился к своему месту, но попутно все же высказался:

— Дискриминация, как она есть. У Эли в ее «трепещущих от страсти ложах» куда больше пошлости было...

Я только головой качала. В их случае расхожая фраза «В семье не без урода» принимает явно двойственное значение...

Остался только Дима, и об этом знал весь класс, поэтому я не могла не спросить:

— Дима, будешь отвечать?

Он откинулся на спинку стула.

— У меня для вас, Елена Александровна, почему-то ничего лирического не нашлось. Я могу отойти от темы?

Его слова заставили остальных успокоиться и притихнуть. Пришлось согласно кивнуть. Дима, даже не поднимаясь со своего места, в наступившей тишине отчетливо произнес, не отрывая взгляда от моего:

— Маленькая девочка,

Зажатая в условностях,

В волнениях, неловкостях,

Учительница Ле...

— Хватит! — я не выдержала. Но лучше бы всплыла тремя строчками раньше! Попыталась оправдать хоть чем-то всем очевидный всплеск злости: — Вы с Владом сговорились, что ли?

Среди звящего всеобщего молчания, последовавшего за моей резкой реакцией, раздалось громкое от Влада:

— Эй! Данилыч! Ты че филонишь? Мы тут души изливаем, а ты решил отделаться каким-то Маяковским?!

Это не Маяковский, Влад просто переключил всеобщее внимание на очередную шутку. Вечером поищу в интернете, кто же автор такой несвоевременной гнусности...

Домой я шла очень долго, замерзая на январском холоде, позволяя ему проникать в голову, остужать мысли.

В интернете я по запомненной фразе ничего так и не обнаружила. Зашла в соцсеть и замерла.

Дмитрий: Извините за сегодняшний урок) Я больше не буду)))

Глава 5

Я бессильно опустила голову. Как же мне хочется ответить, написать ему... Спросить, зачем он это сделал, поругаться, попросить, чтобы напечатал тот стих полностью, узнать, где он и что делает, послать ко всем чертям, позвать к себе. Я выключила ноутбук и схватила

телефон. Открыла контакт «Он», закрыла и набрала Настю:

— Слушай, познакомь меня с кем-нибудь. Я что-то совсем с ума схожу!

Подруга рассмеялась и заявила:

— У меня день рождения скоро! Собираю большую толпу. Совершенно точно, там найдется кто-нибудь, с кем можно задружить пару-тройку раз!

Сойдет.

— А кого ты зовешь?

— Всех наших, плюс с работы нескольких. И Костю с Никиткой тоже! Мы вообще с ними здорово скорефанились.

Тук... Тук. Ближко, слишжом ближко... Хотя Костю все же можно рассматривать как вариант. Надо будет заставить себя об этом подумать. Но Настя разрушила эту хрупкую надежду, заявив:

— Ты только на Костика не вздумай западать! Он у нас вроде как по мальчикам.

Да что ж это за невезуха такая! В кого приличного ни плюнь — или гей, или твой ученик... Я бы их вообще всех в Бельгию выслала, чтоб жить не мешали! Ну, хотя бы только учеников.

Расспрошавшись с подругой, решила прибегнуть к крайним мерам и набрала в поисковике: «Как избавиться от влюбленности?». Вот сейчас эту статью прочитаю и сразу пойду удалять его номер из мобильного.

Пункт 1. Рассказать близкому другу или подруге все, что чувствуешь.

Выполнено. Да только разговор с Игорем ничем не помог, если не сделал еще хуже. Насте я вообще не осмелилась ничего рассказывать, ибо... нечего ржать.

Пункт 2. Предаться творчеству, это перенаправит энергию в нужное русло.

Так... Я взяла листок и ручку. Попробовала что-нибудь нарисовать. Изобразить хотелось одно-единственное лицо. Овал, палочка носа, кругляшки глаз, волосики торчат в разные стороны... Какой замечательный уродец получается! Очень захотелось снова зайти в сеть и срисовывать с его аватарки. Или просто поводить пальцем по монитору по его бровям, по смеющемуся рту... Стоп, стоп! Этот способ точно не излечит.

Может, стихотворение написать? Поэзия мне намного ближе живописи. Другой листок, и ручка побежала вдоль строк сама:

Снег идет на улице,

Я сижу в квартире.

Я не буду хмуриться,

Утоплюсь в сортире.

Нет, выходит слишжом печальненько, а надо позитивненько!

Как хорошо, что ты мне не пишешь,

Как замечательно, что не звонишь,

Ты меня вовсе, совсем не колышешь!

Гаденыш, мудака, малолетка и псих!

Да я просто чертов гений! И правда, помогает! Продолжим-с.

Но, кажется, на этом литературном шедевре мой талант иссяк. Ладно, что там дальше?

Пункт 3. «Клин клином». Познакомиться с другим мужчиной и завязать с ним несерьезные отношения.

С превеликим удовольствием! Бы... На Настин день рождения оденусь как шлюха, буду вести себя как шлюха и не стану воротить нос от всех пристающих мужиков! Главное — отвлечься, спать ведь с ними не обязательно. Я ведь не шлюха, в конце концов.

Пункт 4. Заняться делом.

А вот это продуктивно! Я давно уже не проводила генеральную уборку! Со вчерашнего дня. Неохота шевелиться, но мне и вчера не хотелось. Начала вяло, приложив огромные усилия воли, чтоб просто подняться. Но уже минут через десять бодренько, как сайгак, скакала по квартире с тряпкой. И правда, помогает! Лучше всего! Какая гениальная статья!

Правда, когда убирать уже было нечего, а все горизонтальные поверхности раздражали блеском, я вернулась к мысли... Так, там еще один пункт оставался.

Пункт 5. Сосредоточиться на недостатках объекта своего внимания.

Недостатки? А Бельгия считается? Очевидно, автор этой статьи с Димой не знаком. Какая никчемная статья!

Поняв, что остановить себя все равно не смогу, решила написать самое мерзкое, на что была способна:

Елена: Мне все равно.

Ответ пришел через несколько минут:

Дмитрий: Как скажете))

Вот и зачем я вообще ему написала?

В субботу заехала в магазин и купила Насте духи. Вообще-то, та сама попросила меня их купить, она всегда так делала. Старые друзья такое поведение наглостью не считали, а только радовались, что Настя сильно упрощает задачу с поисками подарков.

Намарафетилась, нарядилась, кучери навила и отправилась окунуться в разврат и забвение. Настя сразу меня представила Вадиму — коллеге по работе — немного странному парню лет двадцати пяти. Не знаю, что она там ему наплела, но он был истерически рад со мной познакомиться. Или это медикаментозная эйфория? Ладно, он мне тоже понравился. Тремя последними буквами своего имени.

Решила выпить, тогда, возможно, танцы с Вадимом уже не так будут потрясать мое воображение. Он вел себя... как будто его воображение ничто не потрясало и через пару стаканчиков бурой жидкости предложил: «А может, уже поближе начнем знакомиться?». От ответа меня спас, как ни странно, Никита. Он схватил меня за локоть, обозначил: «Переговорим?». И увел от этого страшного человека с почти прекрасным именем.

— Лена, я извиниться хочу. Ну, за то, что тогда сделал. Я как бы не собирался...

Значит, он в курсе всего, что тогда произошло? стыдно... Но ему должно быть стыднее!

— То есть та ситуация стала достоянием общественности? — поинтересовалась я.

— Нет! — перебил резко. — Я видел, как вы вдвоем ушли в комнату, знал, что вы там провели ночь. Димка вообще ничего не комментировал! Да и я-то стал, можно сказать, случайным свидетелем. Хотел понаблюдать, что этот затейник будет делать, когда до него дойдет. В первый раз это был несравненный прикол!

— Прикол тебе... — я злилась на него, но не до такой степени, чтобы устраивать

скандал.

— Вот я и прошу прощения! Лен, ну правда!

Я кивнула. Продолжать этот разговор было ни к чему, однако ж Никита считал иначе:

— Хоть он и не сказал, чего вы всю ночь делали, но я и сам не дурак. Выяснил только, что ты его учительница, и уж прости, что не посчитал этот факт причиной для суицида. Но... что у вас теперь? Димыч мой лучший друг, так что не сочти за наглость мою наглость! На днях он даже Катюшу отшил... А это уже ни в какие ворота! Верни мне моего приятеля таким, каким я его тебе отдал! Хочу все, как было!

Меня почему-то эта детская просьба рассмешила:

— И каким же образом я могу это сделать?

Никита вытащил из кармана телефон, начал искать в списке контактов.

— Его сюда тоже приглашали, но он, узнав, что ты тут будешь, отказался. Я позвоню ему, вы жажнете, поговорите по душам и, может, оба уже успокоитесь?

— Оба? — меня возмутила эта оговорка. — Но я спокойна!

— Ага. Поэтому ты сейчас так орешь... Я предлагаю хоть какой-то вариант решения!

— Это не решение! — я старалась не повышать голос, но раздражение все же находило выход. — Мы уже пытались поговорить! Никакого толку, все только хуже стало!

— Но его тоже приглашали сюда, не думаешь, что это нечестно? Он ведь только из-за тебя не пришел! Это же просто какой-то бред. Тебе не кажется, что раз вы оказались в одной компании, можно как-то сосуществовать?

— Нет! Я уже здесь! А он пусть дома сидит!

— А может, тогда вам дома посидеть? — раздался голос из трубки, которую Никита до сих пор держал в руках. — Минут через двадцать буду.

Никита ему позвонил?! И на громкую связь, не предупредив? Боже... Я шагнула к этому нахалу, чтобы незамедлительно убить. Тот поднял руки к лицу, защищаясь, но полностью скрыть вырывающуюся из-под контроля улыбку не смог.

— Идиотина! Зачем ты это сделал?!

Никита смеялся:

— Лен, ты же училка, а ведешь себя как ребенок! Ты мне потом еще спасибо скажешь, как все придет хоть к какой-то точке.

— Не скажу! — я не сторонница физического насилия, но от всей души желала ему тяжких увечий. — Потому что прямо сейчас уеду!

Никита ослабил и сказал неожиданно серьезно:

— Уезжай, Лен, уезжай. Потому что ведь он сюда приедет. А ты такая спокойная, что одним воздухом с ним дышать не можешь. Уезжай, как последняя трусиха. И признай уже, что сама себя боишься.

RRRRRRRRR!!! Вот же говнюк мелкий! Ладно, я не уеду, я покажу этим двум мозгоклюям, что моя жизнь от них вообще никак не зависит. Где мой любимый Вадим? Да вот же он, клеится к какой-то блондинке. Я подпорхнула, ухватила и уволокла. Мое! А ты, стерва, поищи себе другого «поближе познакомца»!

— Прикопался же этот псих... А тебе, наверное, скучно стало? Идем танцевать? — я врубила все резервы, включая два взмаха ресницами, а потом отправила Вадима в нок-аут хитрой улыбочкой, приставив кончик языка к клыку. Знаю, что это работает, милый, можешь мне не рассказывать! У меня минут двадцать до того, как он придет и удостоверится, что я тут живу долго и счастливо.

Я старалась попадать в странный ритм наших танцев, согласилась «выпить еще по одной», позволила усадить себя на диванчик и приобнять. Какими длинными бывают двадцать минут! Вслушиваться в шепот в ухо я не соглашалась, ведь все внимание было сконцентрировано на входной двери. Она наконец-то открылась и впустила того, кого я так не хотела видеть.

Господи, ну зачем он такой хорошенький? Как же ему идет эта черная футболка! Почему так улыбается Насте, вручая ей что-то? А эта гадюка моего мальчика радостно обнимает, как будто и правда приглашала... Стоп! Стоп, Ленуся, не в ту сторону думаешь! Соберись, он идет прямо сюда.

Я очаровательно ему улыбнулась.

— Здравствуй, Дима! И ты тут?

— Вечер добрый, Елена Александровна. Типа того. Как у вас дела?

Вадим почему-то напрягся от нашей неумемной улыбчивости.

— Как видишь, — я развела руками, демонстрируя свою состоявшуюся личную жизнь.

— Ну-ну, — усмехнулся и пошел дальше.

И что? Это все?! Ради этого я пережила три микроинфаркта?

А мой распрекрасный Вадим почему-то убрал от меня руки и немного отодвинулся. Спасибо, хоть не сбежал в Южную Америку! Как там говорил Дима? «Талант отпугивать мужиков»? Прямо даже не знаю, во что верить... Но я решила не упускать свое счастье, потащив Вадима снова танцевать.

После минуты тягостных телодвижений, он вдруг заявил:

— Слушай! Я так не могу! Тот блондинистый парнишка смотрит так, как будто уже расчленил и закопал меня за домом!

Я повернулась в направлении его взгляда и увидела, что Дима разговаривает с Никитой, с мягкой улыбкой глядя на нас. И что Вадим нашел такого криминального в этом взгляде? Он просто смотрит, даже без интереса, а улыбается, скорее, от разговора с другом. Мне пришлось усилить хватку, чтобы жертва не дала деру. Ничего, ничего, сейчас я в тебя еще чего-нибудь волью, и ты будешь моим навеки!

Мы снова пили возле импровизированной барной стойки, когда услышали громкое Настино:

— Народ! Поступило предложение поиграть в бутылочку!

Пьяные и шальные гости восторженно заорали, а я чуть не выплюнула выпитое. Что за детский маразм?! Интересно, у детей бывает маразм? Увидев рядом с подругой этих двух мерзопакостнейших гадов, я догадалась, от кого именно «поступило предложение». Ну нет, меня вы в свои забавы не втянете!

Все желающие рассаживались прямо на ковер кружком. Никита двумя руками схватил моего Вадимушку, который то ли не сильно сопротивлялся, то ли просто идиот, вырвал у меня добычу из цепкой хватки и потащил туда же. Охреневшую меня доставил в круг Дима. Я попыталась сбежать, но сидевшие рядом Настя и Андрей не позволили этого сделать. Ладно, камикадзе, давай играть! Я не боюсь!

Первой бутылку крутила Настя, а после чего с удовольствием поцеловала в щеку какого-то парня, я не запомнила его имя. Андрей, очевидно, ревностью не исходил... А вот и зря! Убил бы ее этой бутылкой, день рождения постепенно перерос бы в похороны, а на похоронах люди себя так не ведут. Теперь бутылку крутил тот парень, и она показала на Андрея. По правилам он должен был целовать следующую девушку по часовой стрелке, то

бишь меня. Вот и прекрасно! Смотрите, как я умею! Чмокнула его прямо в губы и под всеобщий смех тоже приложила руку к вращению стеклянного разрушителя человеческих судеб. И, хвала небесам, горлышко указывало на Вадима. Тащи сюда свои губехи, трусливая шавка! Чмокаться будем! Но... неожиданно на бутылку наступил чей-то палец и развернул ее дальше, поворачивая на себя. Я подняла голову и увидела смеющиеся серые глаза.

— О-о-о! — восторженно отозвалась на это действие толпа. — Нарушаем, Димыч?

— Не нарушаем, а спасаем игру! — смеясь отозвался тот. — Правда? — он почему-то спросил у Вадима.

— Правда! — ни с того ни с сего ответил мой «ухажер», встал и ошалело добавил: — Я вообще в это играть не хотел! Я танцевать больше люблю.

Как же я ошиблась, поставив сегодня на этого утырка... Ничего, Лен, прорвемся. Дима уже переместился на четвереньки, и руками «шагал» ко мне.

— Стоять! — я поставила перед его носом ладонь. — Это все равно нарушение правил! Дождись своей очереди.

— Океюшки, Лен Санна, дождусь, — и он мгновенно откатился назад.

После этого он целовался с какой-то девушкой и дважды с Настей. Простые поцелуи в щеку. Кажется, только я вышла за рамки, поцеловав первого парня в губы. В очередь Никиты горлышко показало на меня, мы обменялись поцелуями и, похоже, обозначили этим, что предыдущий конфликт исчерпан. Я крутанула и снова попала на Никиту. Засмеявшись, снова двинулась в его направлении, но он вдруг вскочил и прокомментировал:

— Мне срочно надо бухнуть! Передаю очередь следующему.

Никто же не сомневается, что следующим по очереди был его ухмыляющийся друган? Разгоряченной толпе почему-то такая форменная несправедливость не претила. Ничего, я справлюсь! Я позволила ему приблизить лицо, откинула рукой челку и поцеловала в лоб. Он не отстранился, не стал настаивать, только тихо рассмеялся.

Я не смогла сдержать ответную улыбку:

— Дим, ну хватит уже, а?

Он вдруг схватил меня за руку, заставил подняться и потащил в сторону со словами для разочарованных остальных:

— Мы уже наигрались!

— Дима, да что ты делаешь? — спросила я, хотя никак не могла изобразить голосом достаточную степень недовольства происходящим.

Мы оказались на кухне, а он продолжал держать мою руку. И находился так близко, что думать я больше просто не могла. Он наклонился к моему лицу, продолжая улыбаться, и поцеловал. Очень мягко, но настойчиво. Я не оттолкнула его, на это мое тело уж точно не было способно, но и не ответила. Просто умиротворенно растворялась в долгожданной ласке, в его вкусе, в его запахе. Дима чуть отстранился, посмотрел с иронией:

— Что-то вы, Елена Александровна, в этот раз отлыниваете.

— У меня от твоего «Елена Александровна» либидо падает, — парировала я.

Он тихо засмеялся. Да гори оно все синим пламенем! И я, схватив его за ворот футболки, притянула снова к себе. Он, похоже, вознамерился отомстить мне за предыдущую пассивность и на этот раз позволил целовать себя, тоже не отвечая. И когда я уже решила возмутиться столь неподобающим поведением, почувствовала ладонь на моем затылке, лишаящую меня простора для маневра. Его губы тут же перешли в атаку, а когда я почувствовала его язык, то не смогла сдержать стон, выдохнув прямо ему в рот. Не

представляю, как долго продолжался этот поцелуй, но когда его руки спустились чуть ниже и стали такими же настойчиво-сильными, как и губы, я нашла в себе силы оттолкнуть его. Той же рукой, которой несколько минут назад притянула.

Он отстранился, но продолжал улыбаться и меня из рук не выпустил.

Глава 6

— Ты все-таки хочешь разговаривать, — прокомментировал он, беззастенчиво перейдя на «ты». Я решила не поправлять, раз уж до сих пор чувствовала его вкус на своих губах, и просто кивнула.

— Дима, ты мне нравишься... — сказала тихо.

— Правда, что ли? Знаешь, ты мне тоже нравишься! — шутливо перебил он.

Я улыбнулась, стараясь сосредоточиться и не отвлекаться на его слишком близкое присутствие.

— Но, понимаешь... Я не хочу всего этого. Я не была готова к такому.

— К какому? — он перехватывал мой взгляд, не давая возможности его отвести.

— Ну... встречаться со школьником, например! — решила настроить его на серьезность.

На кухню то и дело заходили другие гости, но заметив нас, понимающе улыбались и скрывались с горизонта. Мне было наплевать, что меня в таком положении могут увидеть мои или его друзья. Есть только здесь и сейчас! А в нашем «здесь и сейчас» посторонних нет.

— Разве я предлагал встречаться? — этот вопрос меня смутил. Действительно, не предлагал. А Дима продолжил: — Лен, я хочу с тобой встречаться! Но если тебе само это слово не нравится — давай встречаться не будем.

Я не могла оторвать взгляда от его улыбки.

— А что мы будем делать?

— Все, что захотим. Целоваться, обниматься, танцевать и снова целоваться. Я буду провожать тебя до дома, а там мы будем... опять целоваться.

— И все? — видя его прищуренные глаза, я не смогла сдержать сарказм.

— Конечно, нет, — он тихо смеялся. — Еще мы будем кормить попугайчиков. Если тебе и слово «секс» не нравится, то мы будем кормить попугайчиков.

От его прямолинейности было сложно сдержать нервную дрожь в пальцах.

— Дим...

— Лена.

Да я готова на все, лишь бы слышать свое имя в его исполнении! Но это все же слишком быстро... Поэтому я попыталась начать заново:

— Дим, я не готова к такому.

— Судя по тому, как ты на меня недавно набросилась, вполне готова.

— Дима! — возмущенно перебила его. Надеюсь, с возрастом он хоть немного научится тактичности! Хотя вряд ли...

— Хорошо, — недовольно отозвался он. — Я вот что предлагаю: тут никого знакомых нет, Оксаны Алексеевны и прочих блюстителей нравственности — тоже. Мы можем жить хотя бы сегодняшний вечер?

— Да, — другого ответа родиться во мне просто не могло. Слишком близко были его

губы. И я наконец-то снова дотянулась до них, сметая все запреты в сознании.

А потом мы с ним танцевали и это было... чуть ли не более возбуждающе, чем наши поцелуи. Наши тела так идеально вливались в музыкальный ритм, так гармонично дополняли друг друга, что это было вполне достойно названия «заниматься любовью». Да, именно так! В гораздо большей степени, чем потные фрикции, которые я пережила в другой жизни с другими мужчинами. В танце с ним было больше секса, чем в объятиях моих бывших, в мимолетных касаниях — больше страсти, чем в прижатых друг к другу телах, в его глазах — больше смысла, чем во всех признаниях, слышанных мною до. Куда я падаю, когда я с ним? Докуда мы можем добраться, когда мы вместе?

И снова поцелуи, объятия и смех. И ни один из нас не вспомнил про алкоголь или других присутствующих. Самые безумные наркоманы — влюбленные. А я точно была абсолютно влюбленной наркоманкой. Потом, возможно, я пожалею, что растворилась в этой эйфории. Но тот вечер стоил того, чтобы жалеть о нем всю оставшуюся жизнь.

А потом мы шли по ночному городу, не обращая внимания на редких прохожих, а они почему-то тоже на нас внимания не обращали, кутаясь в свои шарфы. Январь в этом году был особенно морозным. На улице такой холод, а внутри такое тепло. Как же хорошо...

Мы снова долго целовались возле двери в мою квартиру. Я забыла о существовании соседей и зловредных завучей, но очнулась, почувствовав, что наши поцелуи выходят из-под контроля и требуют продолжения.

— Дима, давай не будем спешить? — сказала я, кое-как оторвавшись от губ.

На самом деле очень не хотелось, чтобы он уходил, но я чувствовала себя единственной, кто был способен остановить это безумие.

— Конечно, спешить мы не будем, — с улыбкой ответил он. — Но, Лен, что мы вообще делаем? Мы и так потеряли два месяца. Если считаешь, что мы можем подождать еще парочку, то я возьму у Никиты его волшебные таблетки, — сказал Дима и снова шагнул ко мне.

Я засмеялась, закрыв лицо руками. Как же он мне нравится — все в нем! И я, наверное, просто умру, если перестану нравиться ему.

И снова эти губы, да как же сосредоточиться-то в таких условиях? Прижатая к стене, я уже задыхалась от возбуждения, но все же сказала:

— Дим, подожди, да подожди ты!

— Лен, — он обнимал меня и гладил по волосам, — можно, я все равно останусь? Ничего не будет, обещаю. Я просто хочу остаться.

Я посмотрела на него и ответила, жалея о каждом произносимом слове:

— Нет. Не сейчас. Мне надо подумать... без тебя. И тебе надо подумать. Мы вообще друг о друге почти ничего не знаем, но мы пока даже разговаривать не в состоянии.

Он, продолжая улыбаться, отступил на шаг:

— Спрашивай.

Ну зачем он такой замечательный? Я выдавила, собрав последнее мужество:

— Не сегодня. Дай мне время, пожалуйста.

Он в последний раз легко поцеловал меня и ушел. Я занырнула в квартиру и закрыла дверь — быстро, будто боялась, что сорвусь следом. Как же тихо быть без него.

Примерно через час на сотовый пришло сообщение:

Он: Не вздумай мне присниться, противная училка!

Я, конечно же, ответила:

«Не имею привычки сниться малолеткам!»

Он: Спокойной ночи, бабуля))

«Спокойной ночи, человеческий детеныш))»

Он: Все неправильно. Ты должна быть тут, или я должен быть там.

Я завизжала в подушку, но ничего отвечать не стала. Знаю, чем все это кончится. А мне надо подумать.

На следующий день почти в обед пришла долгожданное сообщение:

Он: Привет! Какие планы?)

«Привет, пока не знаю», — ответила и стала ждать очередного сообщения.

Но телефон молчал. Я открывала и закрывала диалоги, набирала текст, стирала и снова ждала. Зачем он спросил меня про планы? Ну вот какого черта вообще возник этот вопрос? Чтобы я почувствовала себя душой? Он играет со мной в игры? Заставляет ждать, понимая, что я теперь мучаюсь в ожидании продолжения? Невыносимо. Может, он занят? Ну так и напиши — «занят»! Самое глупое времяпрепровождение — ждать чьего-то сообщения. Ведь телефон возвестит о входящем, а пока можно заняться другими делами. Но о других делах думать невозможно, потому что ты ждешь, ждешь, ждешь. Весь рассудок сосредоточен только на ожидании. Примерно через час зашла в соцсеть, он там сегодня не появлялся. Играет, точно играет в кошки-мышки. Хочет, чтобы я сама сорвалась, не желает брать на себя инициативу. Убедив себя в этой мысли, решила заняться проверкой последних контрольных работ, но услышав сигнал телефона, преодолела разделявшее меня от него расстояние за миллисекунду.

Он: Давай в кино сегодня сходим? Или куда-нибудь еще)

Ага, сейчас! Через два часа и три минуты глупого ожидания я уже тебя ненавижу.

«Извини, появились другие планы»

Ответ пришел сразу же:

Он: Ок. Жаль. Не хочешь пока выходить со мной в цивилизацию? Тогда увидимся только завтра на уроке?

Да нет же, нет! Наш город не настолько мал, чтобы я отказала себе в удовольствии увидеть тебя! Начав набирать ответ, остановила себя. Моя очередь поиграть. Подожду пару часов с ответом. Или вообще отвечать не стану.

Все два часа я просто сидела и следила за стрелками. Какая глупость! Какая сила воли... Интересно, сила воли — это всегда глупость или только в моем случае? И только после этого вымученного времени ответила: «Да»

Теперь ответа я ждать точно не стану. Позвоню лучше Насте.

— Здорова, подружка, — она приняла вызов почти сразу же.

— Привет, Настен! Как здоровье после вчерашнего?

— Все зашибись! Но ты лучше про свое «зашибись» расскажи! — в ее голосе слышалась улыбка.

— В смысле?

— Ну, ты с Димычем вчера задружила, вы вместе ушли! Любовь-морковь, да?

— Ты заметила? — удивилась я. Обычно она не отличалась особой наблюдательностью.

— Все заметили! — Настя смеялась. — Так и что?

— Ничего, — я вдруг ощутила потребность выговориться. — Настен, я, кажется, влюбилась. Но он младше, и он... мой ученик.

— Да?! Ну и совпаденнице, — похоже, она действительно об этом не знала. — А он что?

— А он ничего, — хотелось окончательно впасть в депрессию, и чтобы подруга меня в этом святом действе поддержала. — Это только я. Дима просто забавляется.

— Уверена?

— Почти. Ладно, пока. У меня еще дел много.

— Ну... пока. Ты это, Ленусь... не грузись там. Звони, если что. Хочешь, я у Никиты разузнаю подробности?

— Не смей! Обижусь, честно! Просто дай мне самой разобраться. Пока.

Насчет «много дел» я сильно преувеличила. Проверила работы и прочитала необходимый материал. Трижды. А потом все-таки зашла в сеть. Он был онлайн и будто сразу заметил мое появление, потому что меньше чем через минуту пришло сообщение:

Дмитрий: Разгреблась с делами?

Меня так обрадовало, что он написал, что сила воли вся куда-то испарилась.

Елена: Частично.

Дмитрий: Лен, давай увидимся. Хоть ненадолго, а? Мы сегодня с парнями тачку наконец-то в норму привели. Давай я заеду? Просто прокатимся. Максимум, на час.

Какую еще «тачку»? Он же школьник! Но если все так, то он действительно был занят... И может, только поэтому не ответил сразу, а вовсе не играл со мной в кошки-мышки, как я себя окончательно убедила?

Елена: Не знаю. Поздно уже.

Дмитрий: Вчерашний день тебе понравился?)

Провокационный вопрос! Но он и сам знает ответ, поэтому...

Елена: Да.

Дмитрий: Давай каждый день жить так, чтобы нам нравилось?) Например, и сегодняшний?)

Я не могла остановить улыбку.

Елена: Буду готова через полчаса. Только ненадолго!

Дмитрий: Ок))

И отключился. Я метеором собралась, накрасилась и даже умудрилась соорудить более-менее приличную прическу. И после этого вышла на улицу, где он уже ждал меня. За его спиной красовалась темная иномарка.

— Откуда у тебя машина? — вместо приветствия спросила я, остановившись в паре шагов от улыбающегося Димы.

Он же, вместо приветствия, подошел сам и поцеловал. Наглый мальчишка! Ему что, наплевать на бабушек, зорко следящих в окна за всеми подъезжающими, отъезжающими, встречающимися и расстающимися? Ну ладно, мне, собственно, тоже плевать на этих тайных сотрудниц ЦРУ. А Дима, продолжая легко прижимать меня одной рукой, наконец-то ответил:

— Угнал, конечно. Но не бойся, от гаишников оторвемся, в случае чего.

Мои расширенные глаза вызвали у него только усмешку:

— Шучу я. Отец купил, еще летом. А тут стартер полетел. Но теперь все в порядке.

Потом мы просто ехали по вечернему городу, ощущая безмятежный комфорт оттого, что находились рядом. Я нарушила молчание:

— Так твой отец так богат, что дарит школьникам машины?

Дима мельком взглянул на меня и вернул внимание дороге.

— Достаточно богат, чтобы подарить своему совершеннолетнему, — он выделил это слово, — сыну машину. Он мне и квартиру предлагал купить, но я не вижу в этом необходимости. Точнее, не видел до недавнего времени, — я оценила его лукавую улыбку. — А что, ищешь богатого женишка?

— Если бы искала, то уж точно не тебя. Тогда бы сразу на твоего отца и вышла! — не осталась я в долгу.

— Разбежалась, неугомонная! — возмутился мой очаровательный мальчик. — Ишь, чего удумала! Или порнушки насмотрелась, где молодая мачеха соблазняет пасынка?

Я рассмеялась.

— Дим, расскажи мне о своей семье. Мне правда интересно.

Оказалось, что его отец — юрист, владеющий собственной фирмой. После развода он так и не женился, хотя в последние два года встречается с одной женщиной. Мама Димы пострадала в той аварии гораздо серьезнее, чем он, и с тех пор прикована к инвалидному креслу. Но, вопреки моим предположениям, именно она стала инициатором развода. Просто между ней и лечащим врачом возникла взаимная любовь, и она не захотела обманывать мужа, которого бесконечно уважала. Дима несколько лет жил в новой семье матери, но потом ее супругу — выдающемуся хирургу — предложили хорошую должность в Гентской больнице. Потому они переехали в Бельгию, а Дима стал жить с отцом. Отношения у него с родителями и даже новым мужем матери очень теплые.

— Ты говорил, что после выпускного уедешь туда, — вставила я.

Он нахмурился. Припарковал машину к обочине и повернулся ко мне, улыбнувшись, но как-то грустно.

— Тебя это расстраивает?

И что прикажете на это отвечать? Признать, что мне нужны наши отношения, и я не хочу, чтобы они имели заведомо определенный конец? Но ведь пока нет никаких отношений.

— Уезжаю, но только учиться, — продолжил он, не дождавшись моего ответа. — Знаешь... я бы, наверное, хотел, чтобы тебя это расстраивало. Это было бы как признание. Хотя это и нечестно по отношению к тебе... Но вряд ли мы оба хотим только из-за этого держаться друг от друга подальше, ведь так? — я все же кивнула. — Во-первых, у нас есть пять месяцев. Пять месяцев, чтобы жить! Да и потом, пока неизвестно, что будет. Если у нас с тобой все получится, то мы найдем выход. В самом крайнем случае, я там после университета жить не собираюсь. Я бывал у матери и уже раньше точно решил для себя, что вернусь потом обратно. А с тамошним образованием у меня тут, мягко говоря, очень неплохие перспективы. Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме. То есть максимум через пять лет я все равно вернусь.

Неужели он всерьез строит планы на будущее, включая вероятность того, что и я там могу быть? А если и мне подумать, что будет, если дать нашим отношениям шанс? Пять лет! Не те жалкие пять лет разницы в нашем возрасте, а настоящие мучительные долгие пять лет. Пять лет сначала разрывающих психику телефонных звонков и переписок в соцсетях, потом постепенного осознания, что жизнь продолжается, и рано или поздно — отвыкания и удаления из памяти того, что между нами было. Неправильно — того, что между нами будет. Какая пустота в голове...

Он наклонился ко мне и пальцем зацепил локон, упавший на лицо.

— Но если вдруг ты решишь, что нам эти пять месяцев не нужны, то просто скажи. И я больше никогда не подойду к тебе.

И вдруг я ясно поняла — вот этого я точно не хочу! А то, что случится через почти полгода, только тогда и будет требовать моего осмысления! Будем жить только сейчас. И даже сейчас остается слишком много но:

— Дим, ты мой ученик.

Он закатил глаза:

— А я-то надеялся, что мы уже пережили этап «Ты мой ученик, что ты себе позволяешь, малолетка, я для тебя слишком старая, а ты для меня слишком сногсшибательный».

Я не нашлась, что ответить, а Дима неожиданно заявил:

— Пошли играть в дартс! Мы как раз почти приехали.

Во что?! Пока я хлопала глазами и находила соответствующие слова, он завел мотор и буквально через пару минут остановился возле какого-то бара. Помог мне, ошеломленной, выйти и зажав мою ладонь в своей, повел внутрь. В помещении народу было не очень много, все же воскресный вечер. Люди сидели за деревянными столами и пили пиво, приглушенно звучала довольно тяжелая музыка, некоторые играли... в этот самый дартс: парами или большими компаниями столпившись возле мишеней, которых вдоль периметра зала было развешено около десятка. Дима направил меня к свободной и усадил за столик, стоявший ближе всего. Не успела я как следует оглядеться, как он уже купил две кружки пива и сел напротив.

— Да мне завтра на работу! А тебе на учебу! — праведно возмутилась я.

— Ага, — кончик его языка сводил меня с ума, — видишь, мы только начали встречаться, а я уже тебя порчу.

Начали встречаться? Ну ладно, сегодня спорить с ним не очень хочется.

Эту игру я видела только в фильмах. Дима показал, как кидать дротики, и кратко рассказал правила. Мы договорились, что кидаем по три дротика, а победителя определяем по сумме очков. Мой милосердный спутник разрешил сначала немного потренироваться. Первые попытки были... как бы это помягче назвать... плачевные, но потом я наконец-то приноровилась хотя бы попадать в стену, а последние дротики даже попали в разрисованный круг.

— Ну вот, ты уже практически профессионал, — весело комментировал Дима мои более удачные попытки. — Можем начинать! Какие ставки?

— Какие еще ставки? — изумилась я. Ведь знает же, что я новичок!

— Давай на желание? — он явно не собирался быть снисходительным.

Но мне почему-то очень хотелось услышать его желание, поэтому я кивнула.

Первый мой дротик почти попал в круг. Почти. 0 очков. Второй — и, о чудо! — прилетел в верхнюю часть мишени и принес 20 очков! От радости я почти завизжала. А третьим я довела свои баллы до 27. Дима, подходя к позиции, вдруг наклонился ко мне и поцеловал в губы.

— На удачу! — заявил и начал бросать быстро, почти не метаясь. 7, 7, 2. Я, может, и не учитель математики, до даже до меня дошло, кто тут главный. От радости я станцевала ритуальный танец победителя, что со стороны могло выглядеть как восторженные прыжки на месте. Дима подал мне пиво и, улыбаясь, поинтересовался:

— Твое желание, пусечка?

— Не называй меня «пусечка»! — возмущенно отрезала я.

— Исполнено! — тут же отозвался Дима. — Второй раунд?

Ах, мерзавчик мелкий! И вот так я просохатила свою выдающуюся победу?! Ну и ладно, я все равно не знала, что бы такое придумать. Но на второй раунд я, безусловно, согласна.

С лицом призера Олимпийских игр я подряд кинула три дротика. 9, 10, а последний почему-то не захотел оставаться на мишени, что означало 0 баллов. Ну что ж, все равно неплохо для получасовой профессиональной карьеры! Дима встал на позицию и сказал:

— Если выиграю, ты меня поцелуешь.

Очень даже поцелую! Я бы вообще только такие желания и исполняла.

7, 7, 2. Я опять выиграла! И почему меня не насторожило, что в этом раунде он попал точно в те же разрисованные полоски, что и в первый раз? Но я с криком «Яяяхуу!» снова прыгала от счастья. Едва успокоившись, решила проявить великодушие. Ведь это могут себе позволить властители мира!

— Иди сюда и поцелуй меня, лузер! — высказала свое желание.

Лузер исполнил его на сто процентов, вытолкнув меня на несколько минут из реальности.

— Третий раунд? — предложила уже я.

Он пожал плечами, снова предоставляя мне право первого хода. 0, 0, 20. Ничего! Это даже лучше, чем в предыдущий раз. И снова перед своими бросками Дима высказал желание:

— Если выиграю, пригласишь меня к себе домой.

— На ужин? — ядовито поинтересовалась я.

— На ужин, — согласился Дима.

Яблочко! Что?! Второй бросок — яблочко. И туда же третий. Вот нахал!

Пока я рассматривала эту вопиющую картину, Дима подошел и обнял меня сзади.

— Завтра? — прошептал в ухо.

— Ааа.... Да.... Нет! — я вдруг очнулась. — Давай не завтра? Во вторник хотя бы...

— Хорошо, — он тихо смеялся. — Еще раунд?

— Ну уж нет! Ты чертов обманщик! — но несмотря на это заявление, я тоже смеялась.

— А с тобой иначе никак! Только обман и Никитины таблеточки, обман и таблеточки.

Я снова вернулась к своему пиву и только теперь заметила, что его кружка стоит на столе нетронутой. Он же за рулем! Почему это только сейчас до меня дошло? Почему в его присутствии я совершенно перестаю соображать?

Мы снова целовались, прощаясь у подъезда. Я все же решила уточнить:

— Так мы встречаемся?

— Так мы встречаемся, — ответил он уверенно. — Не бойся, в пределах школы буду делать вид, что первый раз в жизни тебя вижу. Каждый раз.

И я вдруг вспомнила, что в мире есть и другие люди, кроме нас двоих.

— Черт! Близнецы точно уже все поняли!

— Поняли, конечно, — рассмеялся. — Они долбили меня вопросами, но я молчал, аки партизан. А после твоего поведения только идиот бы не допер, что между нами что-то происходит.

— А они... никому не скажут? — с надеждой спросила я, ведь он знал Влада и Славу гораздо лучше моего.

Дима отрицательно покачал головой и снова вернулся к моим губам.

Глава 7

По понедельникам урок в 11 «А». Как же я жду момента, когда увижу его! Как же я боюсь этого момента. К началу занятия колени предательски дрожали. А уж когда увидела его возле класса, то конечности словно и вовсе наполнились ватой. Широко улыбаясь, Дима открыл передо мной дверь и торжественно произнес:

— Здра-а-а-авствуйте, Елена Александровна! Давно не виделись!

Мое смущение рухнуло под натиском его завуалированного сарказма:

— Здра-а-а-авствуй, Дима! Сколько лет, сколько зим!

— Да не говорите! Стоит написать в министерство образования просьбу, чтобы ваш предмет нам ставили раз тридцать в неделю.

— О! Какая гениальная мысль! Так нравится литература?

Хитростью своего прищуря он мог бы посоревноваться... с моим.

— Ну... И литература тоже ничего.

И только тут я обнаружила, что в трех шагах от нас стоят Слава и Влад и с обалдевшими от удивления лицами ловят каждое наше слово. Смущение вернулось с трехкратной силой.

Минут десять мне понадобилось, чтобы окончательно взять себя в руки, но для окружающих урок проходил точно в той же атмосфере, что и обычно. Только я избегала смотреть на близнецов, боясь покраснеть, а еще и на Диму, боясь рассмеяться.

Когда урок закончился, Эля со своего места сказала:

— Елена Александровна! А у нас есть к вам просьба!

Я старательно не отводила взгляда от ее лица, чтобы он случайно не наткнулся на того, кто сидел с ней рядом.

— Что такое, Эля?

— Десятиклассники на День святого Валентина решили замутить шабаш... ну, в смысле, концерт. И мы тоже хотим поучаствовать! Один из моих друзей написал сценарий для мини-спектакля, но Оксана Алексеевна разрешила нам участвовать только при условии, что кто-то из учителей будет контролировать. Цитирую: «Чтобы вы не вышли за рамки морали!». А наша классная до сих пор болеет! Да и ей лет шестьсот, а сценарий... молодежный! Мы школу скоро закончим, потом разбежимся кто куда, а это такие воспоминания! Пожалуйста, помогите нам.

Остальные ученики подхватили просьбу. Очевидно, они уже были в курсе Элиной идеи. Неужели мы в свое время были такими же активными? Неужели мы так же, как и они, получали от остатков своего детства все, что можно, наслаждаясь им? А еще говорят, что нынешняя молодежь никуда не годится и ничего ей, дескать, не надо. Вот же, смотрите — живут полной жизнью, только дайте такую возможность! Конечно, на такую просьбу я не могла не откликнуться. К тому же было чрезвычайно приятно, что ребята обратились именно ко мне.

— Хорошо. А что за спектакль?

— Он небольшой! — в голосе Эли слышалось радостное волнение. — Минут на пятнадцать-двадцать. Про любовь, конечно! Почти все задействованы, как минимум, в роли кустов. А я буду прекрасной принцессой, Димка — прекрасным принцем, одинаковые — злодеем!

— Злодеями? — автоматически переспросила я.

— Злодеем! — обреченно поправила она. — Там всего один злодей предусмотрен...

После небольшой дискуссии с нанесением тяжких телесных повреждений они договорились, что просто будут играть в разных сценах. Все равно ж никто не заметит подмены!

— И оба поучаствуем! — добавил Слава.

— И слов меньше учить, — вставил Влад.

Пришлось сдерживать смех. Близнецы любую, даже самую простейшую, жизненную ситуацию доводили до феерии. И тут Эля спешно добавила:

— И еще! Еленочка Александровна, попросите, пожалуйста, и Игоря Александровича участвовать!

— А он зачем? — я удивилась.

— Для него есть особая роль... — школьная красавица чуть замешкалась, — он будет конем. Моим. Если согласится...

Смех все же прорвал себе дорогу к выходу, но я сумела ответить:

— Я спрошу у него.

Так вот, значит, почему она решила попросить именно меня? Чтобы я заодно Игоря Александровича уговорила. Если бы она обратилась к нему с такой просьбой напрямую, то он, скорее всего, даже не стал бы слушать. Хитрая маленькая обольстительница голубых физруков!

Мы с классом назначили репетицию на завтрашний вечер, а Эля дала мне сценарий, чтобы я заранее могла ознакомиться.

Уже из дома позвонила Игорю и испытала немалое удивление, когда тот сразу же согласился. Отсмеялся, конечно, положенное время над своим предназначением, но не выказал ни малейшего сомнения, что должен тоже помочь ребятам. Вероятно, учителя только такими и должны быть: живыми, легкими на подъем, готовыми делать все в интересах учеников.

Сценарий, на самом деле, оказался очень хорошим. Довольно банальная, на первый взгляд, история, как прекрасную принцессу похищает злодей, а потом ее спасает принц. И в конце поцелуй. Но смешные диалоги и внезапные повороты сделали сказку увлекательной и забавной. Причем никакой пошлости. Так что Оксана Алексеевна одобрит. А уж зал школьников будет в полном восторге. И в конце поцелуй. Карандашом были подписаны имена тех, кому назначены определенные роли, и со всеми решениями я полностью была согласна: Эля — принцесса, в этом нет сомнений, близнецы — идеальный двуликий злодей, серьезное лицо Андрея прекрасно подходит для роли доброго короля, а Дима... Даже если он просто молча постоит на сцене, то уже будет выглядеть прекрасным принцем. И в конце поцелуй.

Я посмотрела на дисплей зазвонившего телефона. Он. А ведь до этого Дима мне никогда не звонил! Как же приятно и неконтролируемо забилося в груди...

— Да? — я улыбалась и не могла скрыть это голосом.

— Привет, Лен, — он тоже улыбался.

— Привет, Дим.

— Читала сценарий? Понравился?

— Да, очень! — ответила честно. И в конце поцелуй, и в конце поцелуй. — Почему ты мне не сказал об этом спектакле? Ведь вы явно это обсуждали раньше!

— А должен был? И лишить себя удовольствия увидеть твое лицо, когда Эля назвала меня прекрасным принцем?

Я рассмеялась, но нашлась с ответом:

— Если бы роли распределяла я, то прекрасным принцем сделала бы Влада! — это было не очень честно, но мальчику надо преподать урок скромности. — А злодеем был бы Слава, чтобы зрителю пришлось поломать мозги. Андрей — принцесса, а ты был бы самым левым кустиком... Или нет. С твоим ростом тебе быть дубом! Светлоголовая дубинушка! А вот коня выбрали удачно.

— Сногсшибательный артхаус. Я согласен! — он смеялся. — Завтра на репетиции это и предложи. Кстати, — тон его голоса изменился и стал более вкрадчивым, — получается, завтрашний ужин переносится на послезавтрашний?

Действительно, я ведь обещала ему ужин во вторник.

— Похоже на то! Хотя еще неизвестно, как часто будут репетиции и какие дела возникнут в среду, — я испытала облегчение из-за отсрочки этого волнующего мероприятия.

— Ты этому рада?

Я задумалась над ответом. Как мне казалось, события развивались слишком быстро. Я не успевала за ними.

— Лен, — снова сказал Дима, — скажи, чего ты хочешь. Я могу тебе сказать, чего хочу я, но ты опять начнешь смущаться. Давай, говори, а я подстроюсь. Хочешь перенести ужин на неопределенное время? Хочешь его вообще отменить? Хочешь, я приеду прямо сейчас, и мы обойдемся без ужина?

Да что он за человек?! Нет, я буду говорить только об ужине! О пероральном потреблении пищи! И больше ни о чем! И потом поцелуй, и потом поцелуй.

— То есть я могу отменить ужин?

— Вряд ли. Долги священные, — я и не сомневалась, что он так ответит. — Но я очень не хочу на тебя давить. Перенесем на пятницу?

— И это называется «не давить»? — ну конечно, в пятницу будет еще сложнее! Потому что в пятницу нельзя будет сослаться на необходимость рано вставать или срочные дела.

— Ладно, — опять в его голосе та самая, почти забытая, холодность. — Лена, когда захочешь, тогда и назначай. Или отменяй.

— А что ты хочешь на этот самый ужин? — я решила сделать шаг навстречу, потому что не смогла бы себе простить, если бы мы попрощались на такой ноте.

— Точно хочешь услышать мой ответ? — он снова улыбался. Добился, профессиональный манипулятор, чего хотел и сидит там теперь лыбится!

— Я имела в виду, что мне приготовить? — я вернула разговор в правильное русло.

— Макароны с сыром!

- Что?!

— Обожаю макароны с сыром. Правда! Мама всегда их готовила в детстве. Но... я могу обойтись и без сыра. И без макарон, если уж на то пошло.

— Ты опять за свое! — я прекрасно понимала, на что он намекает, но пока не была уверена, что готова вкладывать в слово «ужин» то же значение, что он. — Все, договорились. Я скажу тебе, когда точно! Пока?

— До завтра.

Я отключила вызов, понимая, что если он добавит что-нибудь еще, то наш разговор вообще не закончится... Точнее, очень быстро закончится приглашением прямо сейчас провести ужин. Без сыра и макарон.

На репетицию я пришла вместе с Игорем. Все ученики уже собрались в актовом зале и бурно обсуждали предстоящее изготовление костюмов. Мы поздоровались со всеми, а Дима меня встретил широкой улыбкой, на которую я не смогла не отозваться точно такой же. Уверена, что от взгляда Игоря и близнецов наше поведение не ускользнуло, но для всех остальных ровным счетом ничего особенного не произошло.

Мы репетировали сцены одну за одной, а моей помощи ребятам и не требовалось. Они выучили слова заранее и играли довольно хорошо. Если вдруг что-то требовало корректировки, например, где лучше встать королю или с какой интонацией произнести фразу принцессе, то до того, как я успевала вставить совет, об этом заявляли «кустики», роль которых в сценарии была довольно пассивной, если не учитывать режиссерский вклад. Загвоздка возникла, когда мы дошли до роли Игоря.

По сюжету злодей встречается с принцессой впервые во время ее конной прогулки. Эля наигранно смущенно предложила Игорю встать на четвереньки. Мой друг, заявив: «У меня идея получше!», легко подхватил ее и усадил к себе на плечи. После чего начал скакать по сцене, придерживая девушку за колени и очень смешно ржать, как заправский коняга. Это выглядело гораздо динамичнее оригинального варианта, но Влад возмутился:

— Так она слишком высоко! Я не то что похитить, даже разглядеть ее толком не могу!

Пока все думали над решением, он сам же и нашел выход:

— Эй, моя вторая половина, иди-ка сюда!

Влад, даже не оборачиваясь на брата, присел, а Слава с разбегу вскочил ему на спину. Этим двоим надо в синхронном плавании выступать с их мгновенным пониманием друг друга! Когда Влад выпрямился, лицо «верхнего» злодея оказалось как раз на уровне Элиного. Теперь злодей должен просто подхватить «лошадь» принцессы под уздцы и увести за кулисы. Все согласились, что так сцена будет выглядеть гораздо лучше и смешнее, в том числе и потому, что у злодея и его коня — одинаковые лица.

— Надеюсь, финальная битва у нас будет без лошадей проходить? — раздался Димин голос, который стоял позади «кустиков», сложив руки на груди. — А то я тут единственный... пешком.

Конь хотел было прийти принцу на выручку, но принцесса зверье быстро приструнила.

Наконец, мы приблизились к развязке: поцелуй принца и принцессы на фоне «кустиков», которые вибрирующими руками создают зеленое сердце. Я решила не принимать никакого участия в постановке этой сцены и просто наблюдала снизу за происходящим. По обе стороны от меня встали «злодеи», убитые парой минут раньше. Я посмотрела на них по очереди и убедилась в мысли, что они тут только затем, чтобы оценить мою реакцию. Ухмылка и приподнятая бровь Влада не давали и шанса на сомнение. Но я им такого удовольствия не доставлю! Это постановка, тут играют роли, а я не ревнивая школьница.

Они шагнули навстречу друг другу одновременно. Красивая, с распущенными волосами, тоненькая Эля и мой прекрасный принц. Они соприкоснулись губами и замерли, давая возможность «кустикам» сыграть свою роль. Предполагается, что этот момент будет сопровождаться соответствующей музыкой, и, как я могла сейчас оценить, все выглядело идеально. Мое сердце не разорвалось, я не бросилась в истерический припадок и даже не стала рвать на себе волосы. Я знала, как он может целовать, и что сейчас в нем нет ни капли того, что получала я. Когда все закончилось, Дима мельком посмотрел на меня, а я едва уловимо ему улыбнулась. Как будто он взглядом извинился, а я взглядом же ответила, что не

сержусь. Кажется, теперь мы действительно встречаемся...

Но наше настроение испортила все та же Эля, сказав, когда все начали расходиться:

— Прекрасный принц! Теперь ты должен проводить меня домой, а то темно уже!

И вдруг я почти физически уловила, как Дима одними глазами передал мысленное сообщение Владу, а тот Славе, и близнецы тут же подхватили Элю за руки с двух сторон и наперебой зататорили:

— Ну уж нет, милая! Ты наша навеки! В жизни принцессы всегда выбирают злодеев, а не принцев. Провожайся нами до скончания веков!

Благодаря им, прекрасный принц провожал домой меня.

Глава 8

— Есть планы на вечер? — спросил Дима, когда мы уже подходили к моему подъезду.

Посмотрела на часы. 20:37.

— А какие могут быть планы? Сладкий сон. Мне на работу с утра... — промямлила я, надеясь, что он придумает нечто, позволяющее мне провести с ним еще хотя бы полчаса. Сама я это «нечто» озвучить бы не осмелилась.

Дима пристально смотрел на меня, слегка улыбаясь.

— У тебя двадцать минут. Оденься потеплее, обязательно шапку и варежки.

— А как же валенки? — рассмеялась, довольная тем, что сегодняшний вечер еще не окончен.

— У тебя есть валенки? Тогда надевай! — совершенно серьезно ответил Дима и, развернувшись, быстро зашагал прочь, добавив напоследок, не оборачиваясь, — двадцать минут! Я кину вызов, когда подъеду. Потеплее одевайся!

Диктатор! Красивый, смешной, белобрысый диктатор! Не поцеловал даже... И ничего не объяснил.

Я забежала в квартиру и переоделась в утепленные брюки и свитер. Валенки у меня, к счастью или сожалению, не было. Зато была теплая, но очень поношенная дубленка. Я примерила ее, но решила все-таки не рисковать с внешним видом, поэтому надела ту же куртку, в которой ходила на работу. Не знаю, чего мой принц придумал, но я хотела бы в его глазах выглядеть принцессой... несмотря на то, что на улице февраль и уже почти ночь.

Когда телефон подал признаки жизни, оповещая о приезде Димы, я была уже готова и быстро выбежала на улицу. Остановилась в удивлении, увидев рядом с ним Никиту.

— Привет! — поздоровался тот. — Поехали быстрее, остальные уже там.

— Кто? Где? — задала я закономерные вопросы, усаживаясь на переднее сиденье — поближе к водителю.

— На озере, — ответил Дима, — я тебе валенки нашел. И старый пуховик захватил. Замерзнешь — скажи. Наряжу тебя Дедом Морозом.

Что вообще происходит? По всей видимости, мне объяснять не собирались.

— Купаться будем? Я просто ласты забыла взять! — заметила я.

Дима пожал плечами, не отрывая взгляда от дороги.

— Не исключаю. Я-то боялся, что ты будешь переживать, успеешь ли на работу, а тебя волнуют только ласты.

— Что?! Успею ли на работу? — я изумленно вытаращила глаза.

Дима засмеялся, а Никита, сидевший на заднем месте, продолжал с кем-то говорить по телефону: «Да, да, возем! Минут через тридцать только... Да там... ждали одну девушку... У

нас один есть...».

Это меня они ждали? А что Дима был вместе со мной на репетиции, не считается?

За полчаса поездки Дима меня немного подготовил к предстоящему. Поэтому, когда мы подъехали, я испытала чуть сниженный по силе шок. На озере собралась уже целая толпа, и я сразу же рассмотрела Костю, Настю и Андрея среди других. Наша машина стала седьмой, вставшей в большой круг из автомобилей, направивших фары к центру. Получилась импровизированная освещенная поляна, часть которой располагалась прямо на льду. Наш приезд встретили восторженным криком: «Музыка приехала!», после чего Дима с Никитой стали вытаскивать из багажника колонки и устанавливать их прямо на капоте. Я ошеломленно озиралась вокруг, наблюдая за свалками из человеческих тел на льду, смеющихся, бросающих друг в друга снежками. Настя помахала мне, когда я снова нашла ее глазами. Перед одной из машин стояли ящики со спиртным, возле которых собралась самая многочисленная группа. Похоже, я зря выпендривалась с одеждой. Все остальные были одеты как попало, очевидно, предпочитая комфорт красоте.

Внезапно ударило звуковой волной. Это Никита наконец-то подключил музыку. Народ отозвался счастливым улюлюканьем. Ко мне подошел Дима, снял с меня мою шапочку и нахлобучил на голову ушанку. Серьезно! Самую настоящую меховую шапку с опущенными вниз ушами! После этого я получила поцелуй в нос, заставивший остановить попытки возмущения.

— И часто тут такое? — спросила, когда мы, держась за руки, направились к сгущению толпы.

— Ты спрашиваешь, часто ли я приходил на твои уроки с похмелья и ни минуты не спавший? Бывало, — смеялся Дима. — Сейчас начнем кататься!

Одна машина начала медленно выезжать вперед, за рулем сидел Костя. К его автомобилю веревкой была привязана шина. Люди со смехом убегали с ледяной арены. Первым добровольцем оказался один из парней. Он уселся на остановившуюся шину и задрал ноги кверху. Костя вел плавно, без рывков, по кругу, а шина легко скользила по заснеженному льду, неся на себе и восторженно орущего пассажира. Желających прокатиться таким образом оказалось много. Даже Настя умудрилась с визгом проехать один круг.

— Давай, теперь ты! — сказал Дима, когда машина закончила очередной виток и остановилась недалеко от нас.

— Ты что? Я не поеду, боюсь! — я замахала руками.

Но Дима, кажется, меня и не слышал, кричал водителю:

— Кость! Стой! Можно я?

Костя тут же вышел, позволяя Диме занять его место. Он будет за рулем? Ну, может, мне стоит хотя бы попробовать? Если станет слишком страшно, заору что есть мочи. Увидев его ободряющий кивок и сопровождаемая криками поддержки остальных, я села на шину. Правильнее сказать, в шину, потому что пятой точкой я тут же почти провалилась в круг. Очень боялась удариться ногами, поэтому подняла их повыше, не позволяя касаться земли. И поехала. Сначала медленно — и это было совсем не страшно, но когда меня занесло на первом повороте в сторону, не сдержалась и завизжала. Машина двигалась все быстрее, а мне казалось, что с такой скоростью никого до меня не возили! Наверняка только казалось. Дух захватывало от одновременного страха и восторга, но я все усилия сосредоточила на том, чтобы не опустить ноги. Дима сделал всего один круг и остановился, я облегченно вывалилась из шины набок, задыхаясь от эмоций. Он подбежал и помог подняться, но мы тут

же, поскользнувшись, снова рухнули на лед и засмеялись, откатываясь от центра поляны, где уже начинался новый вираж шинной карусели.

— Здорово? — спросил Дима, когда нам все-таки удалось подняться на ноги.

— Да, — честно ответила, после чего позволила увести себя к машине. Дима прямо сверху куртки на меня надел какой-то огромный пуховик. А мои чуть промокшие от снега варежки заменил на другие, которые оказались тоже слишком большими. Мне и до этого не было холодно, адреналин выгнал мороз из крови, но Дима остановил протесты:

— Потом замерзнешь! Сейчас все накатаются и начнутся танцы на льду. А падать лучше в старой одежде. И в валенках.

Я рассмеялась, но переобулась. Валенки мне были велики размера на четыре, а я чувствовала себя неповоротливым толстым медведем-капустой. Дима всеми силами пытался унять смех от моего внешнего вида, но потом не выдержал, достал телефон и, отойдя на два шага, сфотографировал.

— Ты чего творишь? — возмутилась я, сама будучи не в силах сдержать хохот.

— Шантажировать теперь буду!

Танцевать на льду в таком прикиде было очень сложно, но слишком весело. Никита врубил какую-то зажигательную латинскую песню, под которую все вышли на «танцпол». Кто-то постоянно поскользнулся, валился на лед, а на него валились и все те, кто находился рядом. Благодаря моей одежде каждое падение было максимально амортизировано, а как избежали травм те, кто был одет не как медведь-капуста, загадка. От смеха уже болел живот.

А потом мы играли в вышибалы снежками. Меня вышибли первой, но в этом эпик-фэйле я виню только валенки. Дима продержался почти до самого конца, но победителем стала, как это ни странно, девушка. Она закричала радостное «Ура!», когда осталась последней на месте побоища и... почему-то бросилась на шею к моему Диме, который не успел еще отойти далеко. А он обнял ее в ответ так, что даже оторвал от земли, поздравляя с победой. Она звонко поцеловала его в щеку, а потом ее кто-то со стороны позвал по имени. Катюша. Я уже слышала это имя.

Настроение куда-то улетучилось. И вдруг очень захотелось выпить того крепленого вина, которым согревались все замерзающие, поэтому просто зашагала в направлении ящиков и людей, пивших из пластмассовых стаканчиков. Но налетевший сзади ураган подхватил меня и чуть не повалил снова на снег.

— Меня с собой возьмешь? — весело спросил растрепанный после игры и Катюшинных объятий Дима.

— Пошли, — равнодушно ответила я.

— Эй! — голос его был удивленным, а руки уже разворачивали лицом к себе. — Что случилось?

— Ничего, — я сама себе была противна в этот момент, но не могла ничего поделать.

Губы напротив расплылись в широченной улыбке, а глаза сощурились.

— Лен! — сказал он и замолчал.

Я не выдержала паузы:

— Что?

— Лен! — повторил он и улыбнулся еще шире.

— Ну что?! — выдала я раздражение.

— Лена-а, — растянул он. — Ревнуем?

— Дима-а, — передразнила я. — Мечтаем?

Он все же опрокинул меня на спину, а сам навалился сверху, не давая возможности вырваться.

— Скажи хоть раз честно — ревнуешь? Если признаешься, я объясню, что у тебя нет повода, — смеясь, заявил он.

Я вдруг поняла, что мне не нужны объяснения, поняла, какие глупые эмоции испытывала всего минуту назад, поняла, что меня бы тут не было, если бы он этого не хотел. Поэтому я просто молча потянулась к его губам, а он будто только этого и ждал.

Веселье продолжалось почти до четырех часов утра, а я вспомнила о времени, только когда первая машина поехала в сторону города. Домой мы возвращались вдвоем — Никита сел в машину к брату. И только сняв Димин пуховик и пригревшись на переднем сиденье, ощутила, до какой степени устала и голодна. До работы оставалось совсем немного времени и укладываться сейчас спать резона уже не было, поэтому я, решившись, сказала:

— Приглашаю тебя на ужин сейчас!

— Больше похоже на завтрак, но я не буду придираюсь к формулировкам. Я уж боялся, что ты не предложишь, — оптимистично прокомментировал мое заявление Дима.

— Только не приставай! — решила сразу убить его оптимизм в зародыше.

— Сама не смей ко мне приставай!

— Я?! К тебе?

— Ага, ага. Все вы так говорите! Приманиваете невинных школьников едой, кормите до бессознательного состояния, а потом пристаёте, когда у нас сил отбиваться не остается. А нам потом страдать!

— Страдалец!

— Маньячка!

Вот так Дима и оказался впервые в моей квартире. Я вознамерилась приготовить яичницу с ветчиной, по одной простой причине — других продуктов в доме не обнаружилось. Но сначала решила быстро сменить намокшую от снега одежду. Переодеваясь в домашнее, заочно пожалела Диму, которому не могла предложить ничего сухого. Но, выйдя из спальни, увидела, что он и сам о себе позаботился — снял джинсы и кофту и разместил их на батарее. А сам остался в черной простой футболке и спортивных штанах. Ну хорошо, хоть так! Чуть большая нагота способна была выбить меня из сознания. Да чего уж там, меня из сознания выбивала даже его футболка.

Быстренько сварганив ужин, который больше походил на завтрак, мы накинулись на еду. Потом несколько чашек кофе для поднятия жизненного тонуса. Но тонус почему-то на растворимый раздражитель совсем не реагировал. После знатного перекуса мы уселись на диван, по телевизору шла какая-то старая комедия, с помощью которой решили скрасить оставшееся время.

— Лен... Лен! — разбудил меня мягкий шепот. — Уже семь, просыпайся.

Открыла глаза, а разум с трудом констатировал наличие передо мной улыбающегося лица, отметив заодно, что волосы у Димы были мокрыми.

— Дождь? — спросила я.

— Душ, — ответил и чмокнул в губы. Но быстро отстранился и добавил, — мне домой еще надо заскочить, переодеться. Вставай уже, засоня, всю ночь дрыхнешь!

Вся ночь — это минут сорок? Здорово... Я нехотя потянулась и расправила затекшие от неудобной позы мышцы. Дима быстро собрался и ушел, ехидно окинув напоследок взглядом мой внешний вид. Закрыв за ним дверь, я оценила свое состояние с помощью зеркала и

мысленно поблагодарила гостя, что хотя бы вслух не стал комментировать — растрепанные волосы и покрасневшиеся от долгого пребывания на морозе щеки. Ну ничего, душ, косметика и кофе и не из таких бед выручали!

Удивительно, но рабочий день прошел не так тягостно, как стоило ожидать. Усталость иногда накатывала волнами, но удавалось быстро от нее отвлечься, поэтому о моей бессонной ночи догадывались только я и виновник этой самой бессонницы, который предельно вежливо и даже без капли иронии поздоровался со мной в коридоре. Хорошо еще, что сегодня репетиции нет! До вечера моего адреналина могло бы и не хватить.

Димин звонок застал уже по дороге домой.

— Как самочувствие, гулена?

— Какая я тебе гулена? Всю ночь же дрыхла, ты это сам сказал!

— А я забыл у тебя дома часы.

— Специально?

— Не без этого.

— Завтра в школе отдам!

— Хм... При всех? — он смеялся.

— Ладно, забирай. Но если я усну, то молча зайди, заberi и смойся!

— Как скажешь, засоня, как скажешь.

— Так через сколько ты придешь?

— Минут... через пять?

— Я тоже примерно через пять буду.

— В курсе.

Я остановилась и оглянулась. Дима шел следом, метрах в ста от меня. Мой смех был достаточно громким, по крайней мере прохожие начали коситься. Видимо, недосып каким-то странным образом делает происходящее нереальным, а эмоции — немного усиленными. Я снова повернулась и продолжила путь, не отрывая телефона от уха.

— Дим! — я не могла сдержать смех.

— Что?

— Ты невыносимый!

— Я просто забыл часы. Верни их мне, коварная женщина, и я отстану.

— Отстанешь?

— Нет.

Этот ответ таким мягким голосом заставил меня снова остановиться и наблюдать, как он сокращает расстояние между нами. Он отключил вызов только тогда, когда подошел совсем близко. Если бы кто-нибудь увидел нас в этот момент, то это было бы большим доказательством нашей близости, чем если бы мы целовались на глазах у всех. Я и Дима стояли на расстоянии шага и смотрели друг другу в глаза так долго, как будто пытались на всю жизнь запомнить, как будто виделись в последний раз. Когда он будет уезжать, мы будем смотреть друг на друга именно так? Я не хотела думать о Бельгии, поэтому спросила:

— Зачем ты оставил часы? Это глупо.

Дима снова рассмеялся.

— Лен, мне восемнадцать лет! У меня психология камикадзе, а ты ждешь от меня рациональности?

Я смеялась в ответ, не находя слов возражений против такого заявления.

— Я их оставил, чтобы и сегодня тебя увидеть. Сейчас я заберу свои часы, а ты не выдержишь и предложишь мне чай, потом я уйду, а ты будешь думать о том, как хорошо, что я оставил у тебя часы, и как жаль, что я не настоял на том, чтобы самому остаться.

Так все и было.

Глава 9

На следующий вечер была запланирована репетиция. Мы не общались с Димой весь день — он мне не писал, ну, а я... не писала ему. Наверное, тоже занят и, наверное, тоже ждет встречи на репетиции. Как там говорила Юлиана Юрьевна? Влюбленность окрыляет? Что тут скажешь — окрыляет. Такое ощущение, что приподнятое настроение ничто не может испортить. Я и раньше испытывала это чувство к другим мужчинам, но не могу припомнить парения над поверхностью земли.

Ребята уже собирались в актовом зале, но Димы пока не было. Мы обсудили некоторые спорные моменты и удостоверились, что к концерту, который состоится в следующую пятницу, у нас все будет готово. Эля позвонила Диме, но тот не взял трубку, поэтому решили начать прогон без него. Его роль пока мог сыграть один из кустиков.

Минут через двадцать я не выдержала и написала сообщение: «Ты где?»

Ответа не было, и я, как порядочный параноик, начала переживать. Дима не из тех, кто просто не приходит, никому не объяснив причины, на мероприятие, в котором заинтересован весь класс... Хотя откуда у меня такая уверенность? Разве я могу быть уверена, что он именно такой? Но он точно не из тех, кто пропадает, не предупредив меня.

Поэтому вышла из актового зала и набрала его номер. Когда меня уже захлестывала паника, что он не берет трубку, вдруг наконец-то раздалось долгожданное:

— Лен? Черт... Я во времени вообще потерялся! Хотел тебе отзвониться, сказать, что не приду!

Тон его голоса был немного странный, но я пока не уловила, чем именно. Поэтому спросила:

— Дим, что-то случилось?

— Не-е! — он рассмеялся, и я вдруг поняла, что меня смущало в его голосе. Похоже, он был пьян. — Меня друзья поймали и уволокли пить! Чесслово, я отбивался! Леночка, прости, я позвонить хотел...

И тут на заднем фоне я услышала женский голос, а потом Димино в сторону: «Катюш, да подожди ты! Сейчас я!». И тут же мне:

— Лен! Вышло так, что я косяк! Про время забыл. Я хотел предупредить...

Вот оно как. Он там с Катюшей. Пьет, гуляет, веселится, пока я, как последняя истеричка, придумываю, сколько раз его переехал трамвай, пока он летел ко мне на крыльях любви.

— Неважно, — перебила я. — Не извиняйся. Но ты подводишь ребят.

— Ребят?! — кажется, это его разозлило. — Ребятам как-нибудь объясню! А сейчас я с тобой говорю! Лен, — чуть мягче, — прости светловолосую дубинушку, а?

— Ты мне ничего не должен, — ответила я и отключила вызов.

Потрясающе! Нет, я не ревнивая идиотка, я просто живой человек. Он перезвонил, но я отключила телефон и вернулась на репетицию. Настроение было окончательно испорчено, но не до такой степени, чтобы я показала это ученикам. Через два часа мы закончили и, несмотря на отсутствие прекрасного принца, все были довольны результатом.

Попрощавшись со всеми, я вышла на улицу и направилась домой, ощущая, как до сих пор подавляемое раздражение пугает мысли. Ну что ж, я в этой путанице разберусь. Да, я зла на Диму за то, что он пропустил встречу, которую я лично так ждала. Да, он должен был позвонить и предупредить, потому что мы «встречаемся». Но не глупо ли уже сейчас считать его своим должником? Ведь он пропустил не нашу встречу, а школьную репетицию. Да, глупо. Да, я просто ревную к Катюше.

Меня догнал один из близнецов и, пробубнив: «Я вас провожу!», зашагал рядом.

— Спасибо, Влад, — сказала я, испытывая благодарность за такое ненавязчивое внимание к моей персоне.

— Слава. Влад пошел Элю провожать, — поправил он меня, а я от неожиданности даже остановилась. Я давным-давно перестала их путать, различая даже по голосам! Похоже, я расстроена чуть больше, чем думала.

— Слава, извини! — решила, что это нужно сказать.

— Перестаньте, Елена Александровна! Ничего страшного. У вас все в порядке?

— Да! Почему ты спрашиваешь? — Слава был гораздо спокойнее и тактичнее своего брата. И, возможно, чуть более проницательным.

— Ну, Данилов не пришел. А потом вы... как будто расстроились. Простите, это не мое дело, но раз уж я все равно в курсе, то со мной вы спокойно можете поговорить. Если вам хочется говорить.

— Спасибо, Слава, но ничего страшного не произошло, — не знаю почему, но я почувствовала приятную легкость от его слов. Иногда просто нужно знать, что кому-то не наплевать, чтобы успокоиться. — Дима просто с друзьями сегодня, поэтому не пришел.

Мы шли молча дальше, и когда уже подходили к моему подъезду, из темноты вывалилась шатающаяся фигура. Господи, как же он был пьян... Он не мог сфокусировать взгляд перед собой.

— И все-таки она вертится? — поинтересовался Слава.

Дима как будто только что его увидел, но, откинув в сторону сигарету, сказал мне:

— Слушай, какого хрена ты отключаешь телефон? Ты же даже объяснить не дала!

Лен...

— Хватит! Завтра поговорим, — перебила я.

Он шагнул ко мне, а в глазах я заметила ярость:

— Нет, мы поговорим сейчас. Я не спал с Катюшей. Сегодня.

Сегодня?

— Они и правда затащили меня туда, я думал, ну ничего — посижу немного, выпью с ними и они отвянут. Но эта... сука... она... да не суть! А потом ты мне про этих ребят. Напсиховала там сама себе чего-то и телефон отключила. Хер знает, как так вышло, но я, кажется, после этого нажрался.

— Иди уже домой. Завтра поговорим, — я попыталась снова.

— Нет! Хватит уже про «завтра»! Лен, ты же сама постоянно держишь меня на коротком поводке... Ты же сама... Я как собака за тобой. А тебе и хочется, и колется. Вот и играешь... На коротком поводке. А с Катюшей... ну, она до тебя еще появилась. Я держался же, держался. Но ты меня сама... на поводок. И я перестал держаться.

— Про какой короткий поводок ты говоришь? — я забыла о том, что адекватного ответа сейчас вряд ли дожусь, но меня зацепила эта фраза.

— Да с самого начала... Все повернула, как будто я тебя чуть ли не изнасиловал... И даже посмотреть на меня не могла. А я хотел тебя тогда... как... и правда, фактически изнасиловал... И уеду я... Я всего лишь хотел, чтоб ты сама решила за себя... Чтобы не я решил, как тогда... Да не спать... Хотя бы просто... ну... быть, понимаешь?

— Понимаю, — сказала я. Из этого обрывочного бреда я действительно уловила нечто важное — он винит себя за то, что тогда воспользовался моим состоянием... И, кажется, прозвучало явное признание, что Дима почти сразу понял, что я под наркотой. И еще, возможно, я и в самом деле не давала себе свободы просто раствориться в нем. И не отталкивала, но и не ослабляла контроль. А с его стороны это действительно могло выглядеть как «держать на поводке».

Но вдруг Дима снова вскинул голову и продолжил с еще большей злостью:

— Почему ты с одинаковым? Где, вообще, второго носит? Почему вы тут вдвоем?

Слава! Слава же тоже тут и все это слышит! Я испуганно посмотрела на того, но он просто пожал плечами и спокойно ответил за меня:

— Данилов, успокойся. Я просто провожал Елену Александровну, потому что темн уже.

— Я должен првжаать твою... мою Елну Алексссну, — и он, сильно пошатнувшись, едва не упал на землю.

Слава подошел и взял его за локоть.

— Иди домой, камикадзе, — ровным тоном сказала я, но не решалась пройти в подъезд. Надо сначала удостовериться, что Слава доставит его в сохранности домой. — Какой у тебя адрес?

— Ленна, — кажется, дар речи окончательно покинул моего почти прекрасного полупринца.

— Я знаю, что я Лена! Адрес! — раздраженно ответила я.

— Ленна псятмь, — сосредоточившись, сказал он.

— Чего?!

— Ленна псятвсмь тира ть... — это уж совсем тихо. Надеюсь, завтра он умрет от похмелья!

— Ленина 58, квартира 5, - перевел Слава на человеческий язык. Какой удивительный дар! Надеюсь, этот дешифровщик не бросит одноклассника зимой на морозе? Я уже собралась уточнить это, как обернулась на звук подъезжающего автомобиля.

— Ну че, он жив там? — увидев выходящего Костю, я выдохнула с облегчением. Что ж, теперь можно этот груз передать в ответственные руки. Но наш спаситель быстро обрубил надежды на легкое спасение.

— Грузи тело в машину, — обратился он к Славе, — и сам садись. Я к отцу его не пойду, нафиг надо. Лен, ты на переднее сиденье, я вас потом обоих по домам развезу. Никитка сейчас пришел домой, пьяный, как черт. И сказал, что оставил Димыча возле твоего подъезда, потому что тот то ли убить тебя хотел, то ли замуж позвать. Короче, я собрался и приехал удостовериться, что ты жива и не замужем. Но с отцом его разговор тебе и составлять, раз вы там... чего там у вас.

Я и сама не знала, чего там у нас, но посчитала, что Костя и так оказал другу брата немислимую услугу, приехав, и уж точно не обязан делать еще больше. Поэтому без возражений села в машину.

Дверь нам открыл Димин отец. Удивленно перехватив бездыханное тело, он унес его на диван и тут же снова обратился к нам со Славой:

— Э... Спасибо! Поздновато ему уже ремня давать, да и с чего он вдруг так?

Я решила ответить:

— Он с друзьями был. С Никитой... и другими. Мы просто доставили его домой. Д свидания!

— Подождите! И кого же мне благодарить за доставку непутевого наследника престола почти в целости и сохранности? Меня зовут Виктор. Виктор Михайлович.

— Слава, одноклассник, — ответил мой помощник.

Отец Димы ждал ответа и от меня. Было бы невежливо развернуться и уйти, поэтому я решилась:

— Я их учитель... Елена Александровна. Я случайно в этой ситуации оказалась, вот и решила, что лучше его домой...

Мне показалось, или бровь мужчины поползла вверх, как будто он услышал нечто очень удивительное? И очень сомневаюсь, что удивило его именно то, что пьяного сына притаскивает домой школьный учитель.

— Так вот значит... Елена Александровна? Заходите оба, чаю попьем.

— Нет! — меня испугала смена его настроения. — Нас там внизу в машине ждут.

Я попыталась быстро ретироваться, но он шагнул ко мне, останавливая глазами. Как же они похожи! Это что-то неопишное. Тот же взгляд, блестящий сталью.

— Елена Александровна, спасибо, что не бросила этого утырка. Я поговорить с тобой хотел бы...

— Извините, мне пора! — и я позволила себе позорно сбежать, осознавая, что этот самый Виктор явно знает обо мне больше, чем я знаю о нем. И я уж точно не готова сегодня к знакомству с Диминим родителем. Тем более с человеком, который называет тебя по имени-отчеству и прибавляет «ты».

Мы спускались по лестнице, когда в кармане у Славы раздавалась знакомая мелодия. Он вытащил из кармана телефон и прокомментировал:

— Забыл отдать! Он у Данилова из куртки вывалился, когда в машине ехали...

Мы оба посмотрели на дисплей, а мозг недовольно констатировал — Катюша. Слава

скинул вызов и пожал плечами. Я, не задумываясь о том, что делаю, взяла сотовый. Что я хотела сделать? Не отвечая себе на этот вопрос, нажала на значок сообщений. Последнее — от Катюши. Открыла диалоги:

Полчаса назад: Эй, Данилов, ты куда пропал? Позвони!

Час назад: Дима, ау!

Сегодня утром: Вечером все собираемся у меня! Не отмажешься! И не вздумай свою старуху с собой тащить!

Вчера: Видела тебя на озере с этой... На древность потянуло? Ну, когда тебе надоест этот отстой, обращайся — можем повторить наш прощальный новогодний секс, прощальный рождественский секс и прощальный старо-новогодний секс))))

Неделю назад: Спасибо за то, что ты есть) Я никогда никого не стану целовать так, как целовала тебя.

Две недели назад: Дима, давай поговорим? Приезжай.

Дальше я не читала. Собственно, и так уже было все понятно. Ни одного его ответа. Скорее всего, он перезванивал. Или приезжал. Улыбка сама растянула мне губы. Я уверенно поднялась обратно и постучала в ту же дверь, отдавая удивленному Виктору телефон.

— Вот, мы забыли, это Димин! До свидания!

— Лен, — он переводил взгляд с сотового на мое лицо, — Елена Александровна, все нормально? Что с тобой?

Ничего со мной! Что за несусветная чушь? Просто я кое-как сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться!

И я дала себе волю, только когда мы вышли на улицу. Я смеялась так, как никогда до сих пор, как не смеялась даже на озере, обутая в валенки на четыре размера больше. Едва взяв себя в руки, махнула Косте, чтоб ехал без меня. Пойду лучше пешком! Когда еще удастся застать настолько ошеломительную ночь? Слава поплелся за мной, вероятно, решив, что со мной не все в порядке. Но он очень ошибался! За последние три месяца я еще не была в большем порядке, чем сейчас. Смех то и дело вырывался наружу. Мой провожатый никак мое поведение не комментировал.

Как тебя, Леночка, школьник, пацан совсем, да с прогиба! На Катюшины грубые отзывы я совершенно не обижалась. Девочка была явно влюблена, и этот яд в мой адрес — просто следствие неконтролируемой ревности. Он спал с ней. Не раз и не два. Она имела полное право ревновать. А Димой я... восхищалась! Он просто обмотал меня вокруг пальца и завязал в узел. Пять лет разницы? Да где уж там! Мне до таких высот мастерства никогда не добраться.

Возле своего подъезда сказала Славе:

— Спасибо, что помог.

Но тот так и не вышел полностью из затянувшейся задумчивости:

— Елена Александровна, врать я вам не хочу, поэтому говорю сразу — Владу я расскажу. Но дальше нас это никуда не пойдет. Если вам будет что-нибудь нужно, пожалуйста, не стесняйтесь обратиться к нам. А Данилов... я не буду его оправдывать. Вы

сами потом разберетесь.

— Спасибо, — повторила я. Но мне ничего не было нужно. У меня было все прекрасно. Я учитель, а учитель должен ценить уроки. Этот урок точно не пройдет бесследно.

Глава 10

Первой мыслью было позвонить завучу и, сославшись на внезапную простуду, пропустить завтрашний рабочий день. Для передышки. Однако меня остановила абсолютно отчетливая мысль, что передышка мне вовсе не требуется. Теперь мне не нужно было прилагать усилий, чтобы взять себя в руки. Достаточно было осознания нескольких фактов. Во-первых, мне подсыпали какое-то наркотическое вещество, и в результате я оказалась в неприятной ситуации. Винить себя тут не за что. Во-вторых, я провела некоторое время в обществе умного, смешного, красивого парня. За что ему огромное спасибо — разнообразил серые будни. В-третьих, еще утром я считала, что влюблена, но оказалось, что того человека, который вызывал во мне эти чувства, попросту не существует. Я себе придумала Диму, который только внешне напоминает одного моего ученика. В-четвертых, близнецы знают о некоторых неприятностях, произошедших со мной. Но я твердо уверена, что никаких проблем они мне не создадут. В-пятых, Дима после выпускного уезжает на пять лет в Бельгию. Если бы он оказался идеальным, то через несколько месяцев мне бы пришлось сойти с ума. Какое счастье, что он не идеален! Вот и все. Вопросов больше не осталось. И я наконец-то уснула в полном спокойствии. Кажется, я достигла дзена.

Перед уроком в 11 «А» я не испытывала уже привычного волнения. Просто зашла в класс, поздоровалась со всеми, равнодушно отметила, что его среди присутствующих нет. И, честное слово, мне было плевать. Вершиной моей нирваны стал момент, когда минут через двадцать после звонка он зашел в класс, а я приветливо улыбнулась и ровным голосом сказала:

— Дима, почему опаздываешь? Садись.

— Извините, — он тоже не был взволнован. И не выглядел умирающим от похмелья. А вот это, безусловно, печально.

Когда занятие закончилось, я уже собиралась выходить из класса, но тут услышала его оклик:

— Елена Александровна! Пожалуйста, задержитесь на секундочку! У меня вопрос к вам... по пройденному материалу.

У школьника ко мне вопрос. Что тут странного? Я вернулась к учительскому столу, а Дима как будто ждал, когда все остальные покинут помещение, но Влад и Слава остановились в паре метров от нас. Поэтому он повернулся к ним и сказал прямо:

— А вы чего? Дайте нам пару минут!

Слава сначала внимательно посмотрел на меня и, прочитав в моих глазах ответ, твердо сказал:

— Нет.

Влад нахмурился и тоже покачал головой, показывая, что поддерживает брата. Кажется, они на моей стороне. И вот только тут на лице Димы появилось удивление.

— Ла-а-адно, — он снова перевел взгляд на меня, — скажу при них, раз сама так хочешь. Извини за вчерашнее. Я напился и наговорил тебе кучу того, чего не хотел говорить.

Того, чего не хотел говорить? Но он не отрицает, что говорил то, что думает.

Я кивнула, продолжая молчать.

— Елена Александровна, — он еще сильнее напрягся, — Лен! Извини! Я помню, что говорил, но со всем этим мы можем разобраться. Надеюсь, ты не услышала ничего непростительного?

Не услышала. Но зачем сотрясать воздух бесполезными звуками?

— Дима, — мягко, но уверенно ответила я. — Не волнуйся. Ты не сказал ничего, что могло бы меня обидеть. Но с какой стати ты фамильярничаешь? Тем более в стенах школы?

Он, кажется, совсем оторопел:

— Прости. Простите!

— И еще, — кажется, я никогда не перехватывала инициативу у него так уверенно, — возможно, я дала тебе повод считать, что между нами возможны неформальные отношения. Я была не права в этом и прошу меня за это простить. До свидания, ребята.

И снова направилась к двери, но Дима молниеносно схватил меня за локоть. В его глазах читались неуверенность и зародыш паники. Я удивленно посмотрела на его руку, словно и сама озадаченная тем, что он смеет себя так вести.

— Лен! Что происходит?

— Данилов, отпусти, — раздался голос одного из братьев.

Дима перевел взгляд на них, но без злости, а будто ища ответа. Я воспользовалась его замешательством и, вырвавшись из хватки, ушла. И пока шагала по коридору в учительскую, сама восхищалась своим спокойствием. Я не хочу ему ничего объяснять, я вообще не обязана с ним разговаривать, если речь не идет об учебном материале. И мне было плевать, рассказывает ли ему сейчас Слава о том, что я влезла в его сотовый — на фоне моих прочих ошибок грех не такой уж вопиющий.

После уроков взяла свой телефон. Семнадцать пропущенных вызовов. И тут же, завибрировав, аппарат возвестил о восемнадцатом. Я удалила его номер, а потом отключила телефон. Надо будет внести в черный список. Школьники не должны звонить учителю на сотовый.

Дома привычно зашла в соцсеть. Скорее по инерции, чем осознанно. Несколько сообщений от него, я равнодушно открыла и прочитала:

Дмитрий: Лена, пожалуйста, давай поговорим.

Дмитрий: Я вообще ни черта не понимаю! Просто скажи, что тебя так зацепило!

Дмитрий: Я напился и испортил тебе вечер. Прости за это. Я сказал, что ты держишь меня на поводке. Но это не ты меня держишь, я сам. Это мой выбор. И тогда... в первый раз, с Никитиными таблетками. Да, где-то у меня мелькнула мысль, что ты ведешь себя неадекватно, но у меня не было ни секунды, чтобы об этом задуматься! У меня снесло крышу. И хоть должен был это все остановить, я не смог. И чувствовал себя за это виноватым. Но разве наши отношения после этого не компенсируют ту вину?

Дмитрий: Лен, ты в сети. Я перемусолил в голове уже все, что мог, и уж прости, но не нахожу ничего катастрофического в том, что произошло. Да, виноват, но неужели настолько?

Ему что, заняться больше нечем? Клик. Клик. Мои друзья. Дмитрий Данилов. Пожаловаться на страницу. Закрыть Дмитрию Данилову доступ к моей странице. Мои сообщения. Верхний диалог. Действия. Очистить историю сообщений.

Вот теперь можно спокойно готовить ужин и в душ. Сегодня лягу пораньше.

Почти в час ночи меня разбудил дверной звонок. Я накинула халат и, даже не взглянув в

зеркало, пошла открывать. Еще не хватало, чтоб этот debil соседей разбудил. Как я могла так лохануться, связавшись с неконтролируемым малолеткой? Впредь будет наука!

Я открыла и впустила его в прихожую. Вроде бы трезвый. И на том спасибо.

— Извини, что разбудил, — он смотрел мне прямо в глаза. Впервые он видит меня такой растрепанной и совсем без макияжа. А, нет, не впервые. Все равно. — Лен, я только что от одинаковых. Славка сказал, что ты прочитала в телефоне Катюшины сообщения. И я хочу все объяснить.

Я слушала. Хочет — пусть объясняет. Мне все равно.

— Я спал с ней. Но до того, как у нас с тобой что-то началось. До того, как я понял, что ты тоже... В последнее время ничего не было! И я прямо обо всем сказал. Но она не остановилась. Анька вообще такая, она не останавливается.

Кажется, я окончательно проснулась:

— Какая еще Анька?

— Ну, Катюша которая!

А, теперь-то все ясно.

— Ее Аня зовут, — он говорил быстро, боясь, что я перестану слушать. — Катюша — это кликуха типа. Ну, как ракетная установка. Ее пробивная способность... Да не суть. Я ей прямо сказал, что ничего не будет.

Меня смешило его волнение:

— Ты сейчас хвастаешься, что ли? Тем, что пудрил мозги еще и полевой реактивной артиллерии, а не только мне?

— Тебе?! Лен, я даже не знаю, как извиняться за то, что я не хранил тебе верность всю предыдущую жизнь! Можешь думать что угодно, но на тот момент у нас с тобой еще ничего не было. И больше никаких Катюш...

— Дим, — я все же решила прервать его бесконечную тираду. — Я все понимаю, не переживай. Но помнишь, ты говорил, что если мне эти пять месяцев не нужны, я просто должна сказать. И ты никогда ко мне больше не подойдешь. Так вот, я говорю.

Он замер. Какие бесконечно серые у него глаза. Красивый мальчик. Далеко пойдет.

— Уверена? — тихо, но отчетливо.

— Уверена, — устало, но твердо.

Он посмотрел в сторону, но расфокусированный взгляд ни на чем не остановился, и, постояв так несколько секунд, решительно прошел мимо меня из квартиры. Я заперла за ним дверь.

Теперь сон не шел. Устав от бессмысленных попыток погрузиться в небытие, села к компьютеру и подключилась к сети. Новые сообщения.

Владислав: Елена Александровна, Данилов был у нас. И теперь, скорее всего, едет к Вам. Он какой-то сам не свой. Поговорите с ним.

Владислав: И еще. Вы себя сегодня вели очень странно. Это, знаете, как пять стадий принятия: отрицание, гнев, торг, депрессия, смирение. Уж простите меня, но ваше отрицание уж слишком... пугающее. Лучше б вы ему в морду плюнули. Он наш друг и, в общем-то, нормальный парень. Ну накосячил, с кем не бывает? А вы как будто умерли и воскресли другим человеком. Простите)

Вот как. Влад в психологи подался? Это не отрицание, это понимание! Поэтому стадии гнева или депрессии можно пропустить. Я не стала отвечать на сообщение, и отправилась обратно в постель. Может, мне кошку завести?

Звонок будильника был невероятно неуместен. Я продирала глаза со стоном, проклиная раздражающий трезвон. Какого черта Дима приперся ко мне посреди ночи? Из-за него я совершенно не выспалась! Бесит. Растущее раздражение чашка кофе не уняла. Немного охладив рассудок по дороге на работу, я вдруг вспомнила сообщение Влада. Отрицание, гнев... Вот оно! Как омерзительно жить по сценарию, написанному каким-то тупым психологом? Нет, гнев не пройдет! Бельгия, Катюши-Ани и белобрысые кобели не пройдут. Минуя троллейбусную остановку, заметила листок с объявлением, привлечшим меня тремя огромными буквами. Нет, не то слово, которое так и вертелось на кончике языка, а «ушу». Реклама секции ушу, которая располагалась недалеко от моего дома. Как кстати! Разве бывают лучшие способы обуздать гнев? Вечером записываюсь. А завтра заведу кошку. А послезавтра изменю прическу. А... нет, вечером репетиция! Тогда завтра записываюсь на ушу, ну и далее по плану.

Как ни странно, на эту репетицию Дима пришел без опоздания. Это меня тоже разозлило, как и само его существование на моей родной планете. Я со всеми, включая неприятных персонажей, поздоровалась, раскланялась, помиловалась, кое-как обошлась без обнимашек. В принципе, ребятам мои консультации не требовались. Я тут присутствовала как надзиратель, чтоб великолепнейшая Оксана Алексеевна дала свое великолепнейшее согласие. Все актеры были безупречны. Только Дима выказывал некоторую нервозность. Я бы отнесла его состояние на счет произошедшего между нами, но еще хорошо помнила возможности его самоконтроля. Значит, он или хочет показать свое волнение, разыгрывая спектакль исключительно для меня, или попросту плохо знает роль. В любом случае ему не стоило пропускать репетиции. Правда, финальный поцелуй заслуживал Оскара. Или хотя бы парочку Эмми. Тут он выдал все, на что способен. Эля офонарела, близнецы посматривали на меня, а я считала минуты, когда уже смогу записаться на ушу.

Домой меня на этот раз провожал Игорь, которому я по пути вкратце и рассказала душещипательную историю последних суток. Слушатель из него вышел никчемный, поскольку мой приятель заметил:

— Восемнадцатилетний пацан несколько раз за три месяца переспал с девушкой? Да ты что?! На костер его! Нет, сначала кастрировать, а потом на костер!

Шутников вот таких на костер бы...

— Нет, Игорь, дело не только в этом. Само его отношение к этой «Катюше» никак его не красит. Да и у нас с ним все равно нет будущего. Поэтому я просто воспользовалась сигналом «стоп», чтобы остановиться.

— Значит, воспользовалась? Ну, тогда так и говори. Это не он плохой, это ты боишься.

В роли коня он выглядит значительно лучше, чем в роли близкого друга!

— Фу на тебя, — закончила я разговор.

— Раз наш принц теперь свободен от любви на всю жизнь, я его себе заберу, — мечтательно закатил глаза к звездному небу Игорь. Звездное небо не ответило.

И дальше все пошло по уже протоптанной дорожке скучной жизни. В свободное время я сидела дома, в рабочее вела уроки. Никаких намеков, полунамеков и даже полу-полунамеков на наши отношения от Димы не было. Это вызывало спокойствие и раздражение одновременно. Интересно, почему в русском языке до сих пор нет слова, описывающее это состояние? На ушу я почему-то так и не записалась. И даже кошку не завела. И все было по-

прежнему. Как тогда, когда был какой-нибудь октябрь... С тех пор ничерташеньки не изменилось, кроме того, что меня это перестало устраивать. Но все пройдет. И пройдет гораздо быстрее, чем если бы я дала шанс... нам.

За какую-то неделю я пережила стадии отрицания, гнева, торга и уже почти погрузилась в неизбежную депрессию. В эту пятницу наконец-то состоится тот самый концерт в честь Дня святого Валентина, к которому мы готовились. Игорь предупредил заранее, что после устраиваются школьные танцы, а его обязали следить за порядком. И мне жизненно необходимо тоже там присутствовать. Депрессия пыталась отказаться за меня, но Игорь победил ее доводы единственным аргументом:

— Купишь себе неприличное платье и пойдешь! И когда увидишь, как твоего Данилова скрутит от твоего внешнего вида, тебе сразу станет легче!

Возразить оставалось только одно:

— Он не мой!

А друг мне даже составил компанию в походе по магазинам. В вопросах стиля Игорь был истинным гуру. Выбранное платье было черным, облегающим и, на мой неизбалованный от-кутюрами вкус, слишком коротким. Но Игорь, констатировав: «Само то!», не дал мне право голоса. В итоге, в пятницу к началу концерта я уже выглядела как вполне себе сногсшибательная цаца — в новом платье и с уложенными локонами. Возможно, я никогда не уделяла столько внимания своему внешнему виду, как в тот день. Но это был вполне разумный позыв страдающей психики.

Спектакль от 11 «А» прошел на ура. Зрители смеялись и аплодировали. Мне даже показалось, что лицо Оксаны Алексеевны тоже пару раз дернулось. Боюсь осмелиться предположить, что это была улыбка, скорее, нервный тик, но, поскольку меня сразу же после окончания представления не уволили — возможно, ей понравилось.

На сцену выходили новые участники, когда мне в ухо раздался шепоток от нашей «англичанки». Тамара Дмитриевна — приятная женщина лет пятидесяти — вела в одиннадцатых классах иностранный язык.

— Ах, Леночка, какие же они молодцы! И костюмы, и сценарий, и игра! Хоть всем классом в театральное... А Данилов! Славный мальчик. Давно его не видела, а тут прям такой сразу... в образе!

Я удивленно перевела на нее взгляд.

— Как это — давно не видели? Он пропускает?

— По моему разрешению, — вздохнула та, — он же уезжает куда-то в Европу после школы. Поэтому ходит на курсы английского уже пару лет. И его уровень... Конечно, я его освободила от занятий. Мне и без него хватает... близнецов. Хотя иногда и жаль. Славный мальчик.

Вот как. А я ведь даже и не знала об этом. Мы слишком мало общались, чтобы я успела выяснить все подробности его жизни или сама не хотела задавать вопросы, потому что тогда это бы сразу стало... серьезно?

Мы еще поговорили с Тамарой Дмитриевной о всяких пустяках. А я про себя размышляла: вот она, элегантная, ухоженная и некогда очень красивая женщина. Интересно, она тоже видит, насколько славный этот «славный мальчик», близнецы и другие парни из старших классов? Видит ли она в них мужчин или для нее они просто дети? Когда человеку становится все равно до силы, красоты и сексуальной притягательности других? В каком возрасте женщина перестает быть женщиной? А если не перестает? А вдруг каждый с

возрастом остается закованным в дряхлеющее тело, а его сознание по-прежнему требует красок и эмоций молодости? Как это, должно быть, печально. Убого, некрасиво до извращения, но... неизбежно? Это мою депрессию, а не меня, тянет на философию. А впереди еще и танцы. Ну, Игорь Александрович, надеюсь, ты хотя бы алкоголь сумеешь сюда пронести, а то ж, не ровен час, я на луну выть стану.

Игорь оправдал возложенные на него надежды. Когда школьники после концерта отодвигали сиденья к стене, он подошел ко мне с большой бутылкой газировки. Его хитрый взгляд не оставлял сомнений, что жидкость внутри довольно веселящая. Какой изобретательный физрук у нас в школе! Я восхищалась им до тех пор, пока не увидела у многих из одиннадцатиклассников аналогичные бутылки... Какие изобретательные ученики у нас в школе! Просто диву даюсь. Похоже, только я и Оксана Алексеевна тут тормозим. Встретилась глазами с Владом, который ответил мне улыбкой, а после поднял немного вверх свой «лимонад», тостуя. Ну, а я что? Рассмеялась и ответила тем же.

Танцы были унылые, и даже приглушенный свет не позволял ученикам в достаточной степени расслабиться. Ровно до того момента, как Оксана Алексеевна покинула зал, посчитав, что может оставить этот молодежный недоразврат на попечение учителей-надзирателей. Вот в ком женщина никогда и не рождалась! После ее ухода атмосфера в зале изменилась в мгновение ока, даже музыка заиграла другая. И праздник наконец-то начался.

Стояла возле стены, и ко мне то и дело подходили учителя и школьники, с которыми я обменивалась ничего не значащей ерундой. Игорь довольно быстро оказался на танцполе к вящему удовольствию девчонок. Ко мне несколько раз пытались прорваться близнецы, но их прямо на лету перехватывала женская половина присутствующих. Тяжела жизнь красавчика, даже если тебя двое! И вдруг заиграла знакомая музыка... Так-так. Та самая песня, под которую мы танцевали с Димой на дне рождения у Насти. Я невольно нашла глазами его, стоящего на противоположном конце зала и разговаривающего с другими парнями, и он тут же повернул голову ко мне. Очень сложно, уже почти пережив все стадии принятия устроенной им в моей жизни катастрофы, видеть, как он решительно идет к тебе, криво улыбаясь, отмечать, что верхние пуговицы его рубашки расстегнуты, замирать в предвкушении того, что уже когда-то было, понимать, что тут не место для выяснения отношений. И он это знает. Потому и улыбается.

Дима молча взял меня за руку и потащил к центру. Для всех это должно было выглядеть как приглашение, на которое я согласилась. Истерический крик протеста в моем исполнении наверняка был бы неверно истолкован. Вливаясь в ритм, я тоже начала улыбаться. Это было почти так же, как и тогда. Он брал мою руку, чтобы развернуть и тут же отпускал. Он поддерживал меня за талию, чтобы направить и, заканчивая движение, снова отстранялся. И через короткое время между нами снова не осталось ни капли неловкости. Во всем была виновата только музыка. И далеко не сразу я заметила, что вокруг нас люди расступились и окружили так, что мы оказались внутри пустого круга. А зрители выкрикивали восхищенные комментарии. Это заставило меня вернуться в реальность, и потому, когда песня наконец-то закончилась, я облегченно выдохнула. Остановившись, взглянула еще раз в его глаза, но не придумала что сказать, поэтому просто развернулась и пошла по направлению к своей стене. Стена — это ж самое сейчас главное, авось и рухнет без моей поддержки.

Ко мне тут же подлетел Игорь.

— Хренасе, вы даете! Круто!

Я смутилась:

— А как это выглядело со стороны?

— Как будто вы полгода репетировали! — он ободряюще приобнял меня. — Лен, кто не в курсе, так и остались не в курсе. Ты просто потанцевала с учеником! Сейчас правда твоего Данилова девчонки на сувениры разорвут... Эля даже от меня отцепилась, когда увидела, как он хорош. Но для тех, кто в курсе, стало понятно, что между вами все гораздо жарче, чем раньше казалось.

Я недовольно толкнула его в плечо. Между нами, действительно, все не слишком-то холодно. Танцевать было плохой идеей. Но это было здорово. А я возразила только одно:

— Он не мой.

Я больше не танцевала, и Дима, кстати, тоже. А через некоторое время я увидела, как он снова направляется ко мне. Нет, только не это! Если я опять почувствую твою руку, то уже не отпущу...

Но он молча показал мне свой телефон, выставив его чуть ли не перед носом. Я недоуменно прочтала на дисплее пришедшее сообщение: «Мы заедем за вами через полчаса. Хватай Ленку, и еще пару человек можете прихватить. Празднуем святого Валентиныча!!!».

И его ответ: «Ок».

Дима тут же добавил:

— Это Настя. Она, похоже, еще не знает? — и, не дождавшись моего ответа, тут же обратился к наблюдавшему за этим физруку. — Игорь Александрович, давайте с нами. Там обычно весело. И ничто вашей репутации не угрожает. Можете у Елены Александровны спросить.

Получив согласие, он направился к Славе. Вероятно, близнецы тоже едут. Настя написала ему, потому что до сих пор думает, что мы встречаемся, а разубедить ее в этом я времени так и не нашла. И ведь подруга никогда не отмечала День святого Валентина! Никто из нас не отмечал. Это так дурно на ней новая компания сказывается! И меня за собой тащит... Стоит ли мне ехать? Вообще-то, это и мои друзья тоже! Да если уж и Игорь едет, то не бросать же мне его среди незнакомых людей... А не поэтому ли Дима его пригласил? Как-то все опять запутывается, а я еще предыдущее не до конца распутала.

За нами приехали две машины. Мы поздоровались и направились усаживаться к Косте, Дима же направился к Настиней. Та проводила нас, расходящихся в разные стороны, озадаченным взглядом. Я представила Косте близнецов и Игоря. Он задержался на последнем долгим взглядом и только потом пожал протянутую руку. Это вот что сейчас было? Начало истории? Но эти двое совершенно точно не могут быть в курсе, что играют за одну команду! Ладно, посмотрим, что будет дальше. Я настраивала себя на мысль, что сегодня не поддамся атмосфере и не создам себе новых проблем, точнее, не вернусь к старым. Дима, судя по поведению, думал так же.

На этот раз у Кости и Никиты собралось гораздо меньше народа, чем обычно. И я, наконец, знала по именам всех присутствующих. Надо будет поинтересоваться, где работают хозяйева дома, раз способны устраивать вечеринки так часто. Особого описания заслуживает встреча Насти с близнецами. Она ошалело рассматривала их и даже потрогала их смеющиеся лица, несколько раз переспросила имена.

— Сойти с ума можно мне, — уж не знаю, с чего она так возбудилась. Ведь наверняка

не впервые видит таких. — Какие хорошенькие! Оба два! Я тоже училкой в школу хочу! Ты почему мне, подруга, не рассказывала, в каком рассаднике заек работаешь?!

Я пожалала плечами. Что тут ответить? Сама страдаю в этом рассаднике. Андрей ее наконец-то оттащил от братьев, чему они несказанно обрадовались. И, что неудивительно, быстро влились в общую компанию.

Часа через два все были уже пьяные, веселые и уставшие от танцев. Я не позволяла себе расслабляться и просто общалась со всеми подряд, старательно избегая только одного человека.

— Народ, давайте во что-нибудь поиграем! — раздался голос Кости, и я, переведя взгляд на него увидела, что того ненавязчиво приобнимает за талию мой друг. Как можно так быстро?! Мне бы так...

— В бутылочку! — восторженно отозвалась Настя.

— Нет! — запротестовала я.

— В карты? — предложил Слава.

— На раздевание! — добавил Влад.

— Нет! — ну и пусть меня считают самой главной местной занудой.

В итоге решили играть в просто карты. Это была самая высокоинтеллектуальная игра из виденных мною — «Пьяница». Каждый выкладывал по одной карте, и все забирал тот, у кого карта оказывалась старше. Если же выпадали одинаковые карты у нескольких людей, то они кидали еще по одной, и победитель все равно рано или поздно определялся. Догадываюсь, почему у игры было именно такое название — выигравший пил. Все остальные пили тоже, если желали, но победитель пил в обязательном порядке. Вот такие правила.

Дима сидел на противоположной стороне круга и, надо отдать ему должное, за весь вечер ни разу не сделал ничего, что могло бы проверить мою выдержку на прочность. Скорее, мы оба избегали смотреть друг на друга.

— А вы чего, поругались? — спросила Настя во время очередного тура.

Очень тактично с ее стороны — спрашивать об этом при всех! Я сделала вид, что не поняла, к кому она обращается. Дима тоже не стал реагировать. Такое впечатляющее перемирие можно выносить бесконечно. Или ровно до того момента, когда мы с ним вместе выкинули тузов. Тут же кладем по следующей — восьмерки. Улыбаясь от такого совпадения, неожиданно посмотрели друг на друга и тут же отвели взгляд. Следующими картами были дамы. У обоих. Все смеялись и бурно комментировали происходящее. Я бросаю шестерку, а Дима — снова туза.

— Пей! — Дима сам мне протянул рюмку. — Шестерка бьет туза.

— Сам пей! Туз бьет шестерку! — ответила я, понимая, что он, в общем-то, прав, но наседать на алкоголь я не хотела.

— Ты, как всегда, придумываешь свои правила игры? — он решил не сдаваться.

— Ладно, давай сюда, — проще было выполнить, что от тебя ждут, чем продолжать с ним спор, который уже поворачивался в ненужное русло.

— Это у тебя постоянная стратегия: да, нет, да, нет? — что он творит?

Решила, что разговор необходимо вернуть к картам:

— Дима, давай уже пей или мне отдавай! Народ ждет!

Он засмеялся, отпил из рюмки половину, а оставшееся протянул мне. Пришлось доиграть за ним эту сцену и тоже выпить. Окружающим понравился выход, который мы нашли. И игра продолжилась дальше, да вот только мне теперь было очень сложно не

сталкиваться с ним взглядом.

Потом многие побежали на улицу курить, а я решила к ним присоединиться. Никита, Дима, Влад и еще три девушки стояли кружком. Я просто встала рядом с ними. Курить хотелось, но я не решалась спросить. Дима молча протянул мне открытую пачку и, дождавшись, когда я возьму сигарету, поднес зажигалку. После чего натянул мне на голову капюшон куртки. Это еще мне повезло, что он валенки с собой не прихватил. Мы не обменялись ни единым словом. Влад только приподнял бровь, вслух так ничего и не сказав. Вот так, в неформальной обстановке и теряется вся субординация с учениками. Вдруг Никита обошел нас со спины и навалился, закидывая руки нам на плечи.

— Ну, так и из-за чего вы поругались? — не дождавшись ответа, он обратился ко мне. — Это из-за Катюши, да?

Я продолжала молчать, но отметила, что остальные замкнули свой кружок уже меньшим количеством людей, давая нам возможность остаться втроем.

— Лена, — продолжил Никита, — ты зря это. Катюша — она как торпеда, если куда-то устремится — все, хана. Димыч не раз говорил ей, что у них ничего не будет. Я был свидетелем! Ну если и спал... Но ты же не думала...

Я перебила:

— Это не из-за Катюши.

Он вроде бы удивился:

— Тогда из-за чего?

Противный, наглый, непрошибаемый тип, который постоянно лезет не в свое дело! Но я, подумав, ответила:

— Наверное, из-за Бельгии.

Дима резко повернул ко мне голову, как будто хотел что-то сказать, но потом опустил глаза в землю. А я, освободившись из-под Никитиной руки, направилась в дом, решив, что на этом все разговоры закончены.

И потом снова были танцы и даже песни под караоке. Дима пил со всеми, но не принимал участия в их бурном веселье. Ко мне тоже не подходил. Настроение больше не колебалось, оно припечаталось ко дну, но дарило спокойствие.

Посреди ночи, когда я осознала, что пора бы и поспать, выяснилось, что все собираются оставаться прямо тут. Уезжать одной на такси не хотелось. Хозяева разложили диван в зале, а на пол постелили матрасы и накидали подушек. Более комфортабельных спальных мест в доме на всех бы не нашлось. Я легла на один, понимая, что в комнате достаточно тепло и обморожение мне не грозит. Хватит и подушки, а усталость — лучшее из одеял. Дом затихал, хотя там и сям иногда слышались приглушенные хихиканья. Влад ушел в спальню с одной из девушек, Слава шептался на кухне с другой, Андрей с Настей уже сопели неподалеку, а Игорь, похоже, растворился в комнате Кости.

Попыталась отвлечься от внешнего шума. И тут почувствовала, что рядом со мной кто-то ложится и аккуратно просовывает руку под мою голову. Я, не открывая глаз, придвинулась ближе и смогла наконец-то уткнуться носом в его шею. Второй рукой он пригладил мои волосы, а потом обнял. И стало хорошо, тепло, уютно и правильно. Настолько, что сердце сжалось.

Тишина.

— Дим, давай жить вместе?

— Э, как тебя развезло-то с коньяка...

Тишина.

— Лен, прости меня.

— За что?

Тишина.

— За Бельгию.

Тишина. А мы лежали рядом и слушали дыханье.

Глава 11

Влюбленность — это не любовь. Любовь — спокойное, тихое чувство полной гармонии с самим собой. Она приносит мир. Внутри и снаружи. Влюбленность — совершенно иная субстанция, просто первый мучительный росток. Из нее может вырасти любовь, из нее может вырасти хаос, который поэты благоговейно называют страстью. Психическое заболевание. Война. Внутри и снаружи. Но никто и никогда не заставит меня поверить, что он способен сопротивляться этому. Неконтролируемая, почти внешняя для воли и сознания сила, способная разрушить жизнь. А мы с радостью впитываем этот яд, как будто от этого зависит смысл всего существования.

Когда я думаю, что мы с Димой через несколько месяцев расстанемся, у меня в груди больно-больно сосет. Когда я думаю, что мы никогда и не будем вместе, внутри ничего нет. Совсем нет. И это чувство несовместимо с жизнью. И это не выбор — быть с ним или нет. Нет у меня никакого выбора.

Мы ехали домой в такси вместе. Остальные еще остались у Кости, включая и моего дезориентированного счастьем приятеля. Думаю, вечеринка пойдет на второй круг. А мы решили уехать, потому что нам двоим не нужна атмосфера праздника, чтобы ее чувствовать. Дима молча держал меня за руку, задумчиво перебирал взглядом протекающий мимо вид из окна, а иногда смотрел на меня и легко улыбался. Я тогда очень глупо подумала о том, что если бы наша машина прямо сейчас разбилась, то все бы так и закончилось, на самом лучшем моменте моей жизни. Ужасно глупо! Это оно самое — психическое заболевание. Какой приятно-напрягающий недуг.

— Какие планы на выходные? — спросил Дима, когда мы вышли из машины.

Он расплатился сам, а я не стала спорить. Я вообще задушила в себе размышления о правилах наших с ним взаимоотношений. К сожалению, нет учебного пособия «Как встречаться со школьником». Возможно, я его сама потом и напишу.

В планы на выходные у меня входил он. Кажется, выражение моего лица было ответом, потому что Дима улыбнулся теперь шире, снова подхватил мою руку и потащил по направлению к ближайшему магазину.

— Макароны с сыром! — объяснился он о намерениях.

— И... чипсы! — спохватилась я.

— И киношку какую-нибудь включим!

— Комедию!

— Всегда любил поржать!

— Про любовь!

— Про любовь маньяков к расчлененке!

— Тогда побольше чипсов!

— И сыра!

Вообще-то я жила недалеко от школы, поэтому тут вполне могли встретиться коллеги по работе или ученики. Поэтому я, это осознав, все же аккуратно вынула пальцы из его ладони. Серое мерцающее негодование остановила извиняющимся взглядом, и в награду получила понимающий кивок. Нет, все же определенные правила наших взаимоотношений вырисовываются.

Сбегала в душ, пока Дима варил свои любимые макароны. Его присутствие в моем доме сводило с ума. Но каждый раз я невольно возвращалась к мысли, как давно он меня не целовал... И какими словами я предложу ему сегодня остаться.

Выйдя из ванной, обнаружила, что мой персональный повар уже трет сыр, напевая иностранную песню под какой-то невероятно рваный мотив.

— Дим, Тамара Дмитриевна вчера сказала, что ты настолько хорошо шпрехаешь на английском, что мог бы сам вести уроки вместо нее!

Он задержал взгляд на моих мокрых волосах на долю секунды.

— Чтобы вести уроки вместо нее, достаточно знать пару десятков слов.

— О, как мы зазнались! — я села за стол.

— Да не, — он будто извинялся за сказанное, — просто школьная программа... не подразумевает изучение иностранного языка. Только пустое отсиживание уроков. Вот ты учила в школе английский?

— И в институте тоже, — я пока не понимала, к чему он клонит.

— И как?

— Ну, пару слов связать смогу... Текст со словарем переведу, если потребуется.

— Вот именно — предел общего образования. Школьная система обучения иностранному, если не брать во внимание спецшколы, не предназначена для того, чтобы действительно научить говорить и понимать. Максимум — знание пары сотен слов и умение кое-как читать. Вот ты сможешь общаться с носителем языка? Сможешь понять иностранный фильм?

— Вряд ли, — кажется, я впервые видела его таким — заинтересованно доказывающим свою точку зрения.

— Ну вот. Лен, а ведь я могу и поучить тебя. Хочешь? — он улыбался хитро, а я не могла не улыбаться ему.

— Да мне это как-то и не нужно особо... Книг в оригинале я не читаю, фильм и с переводом могу посмотреть.

— А если вдруг придется стартануть за границу? — ухмылка перерастала в смех.

Зато мне внезапно стало грустно. Не знаю, он это спросил с намеком, что я могла бы поехать с ним, приезжать иногда к нему или вообще ничего такого не имел в виду. Мне просто стало грустно. Дима, заметив это, подошел, наконец-то обнял и коснулся своими губами моих.

— Лен, прекрати. Мы выкрутимся. Обещаю! Верить?

А я вместо ответа сильно прижала его к себе. Верю. Не знаю, веришь ли ты сам, а я верю.

Развалившись на диване, мы поглощали вредные для здоровья чипсы и смотрели не менее вредное для здоровья кино. Так и не сумев договориться, выбрать ли нам фильм про любовь, зомби или про любовь к зомби, мы ткнули в первое попавшееся название. Это оказался детектив.

— Я не очень люблю детективы, — решила заявить я свои права на компьютер.

— Терпеть ненавижу детективы! — ответил Дима.

И поскольку это был первый фильм, относительно которого мы сошлись во мнениях, решили смотреть именно его. В любом случае, удовольствие мы получали не от того, что происходит на экране. А уж когда он положил голову мне на колени, позволяя моим пальцам перебирать светлые волосы, то мысли о сюжете и персонажах вообще покинули мой бедный мозг. И я хотела большего. И я была благодарна ему за то, что он не торопит события. И я беспокоилась, не слишком ли он медлит с событиями.

В кармане его джинсов затрещал телефон знакомой мелодией. Он разочарованно простонал, поднялся, посмотрел на дисплей и прокомментировал: «Это отец», ответил:

— Привет... ага... Да, все нормально... Я у Лены сейчас...

Я вытаращила глаза и замахала руками, запоздало призывая хранить мое существование в тайне. Дима показал язык и продолжил:

— Не знаю... — и обратился ко мне. — Отец зовет сегодня на ужин. Поедем? Он познакомиться с тобой хочет.

— Не-е-е-ет, — прошипела я.

— Па, она ща в обмороке, оклемается — переспрошу. Сам заедешь? Ок, — и он продиктовал мой адрес! Мой родной личный домашний адресочек!

— Я никуда не поеду! — твердо и немного нервно сказала я, дождавшись, когда он уберет свой телефон.

— Не хочешь — не поедешь. Никто тебя насильно никуда не тащит. Но только скажи почему? — Дима включил такой ненавистный режим холодного спокойствия. Неужели это именно он всего минуту назад почти мурлыкал на моих коленях от удовольствия?

— Зачем мне вообще встречаться с твоим отцом?

— Он давно хочет с тобой пообщаться. Я — его единственный сын. По-моему, все логично.

— Мне должно быть приятно видеть отца ученика, с которым я переспала и собираюсь спать еще?! — вырвалось! Это само собой вырвалось! Но Дима, кажется, моей оговорки на будущие планы даже не заметил.

— А ему должно быть приятно, что он не знаком с той самой училкой, в которую втюрился его сын?!

Я оцепенела от услышанного.

— Что ты сказал?

— Втюрился, сказал! — он уже начинал улыбаться и снова шагнул ко мне. — Лен, ты вот вроде умная, а иногда такая дура!

— Слово-то какое подобрал — втюрился! Получше-то никак не мог сказать? — я тоже улыбалась до ушей, устраиваясь в его объятиях.

— У меня просто учитель фиговый. Как научит правильным словам, так сразу и скажу.

— Ладно. Поеду, — я не могла теперь сопротивляться.

— Ну... Теперь даже и не знаю — стоит ли такую истеричку брать с собой...

Никак не удавалось сдержать нервозность в присутствии Виктора Михайловича, хотя тому, казалось, было наплевать. Во время поездки и потом, уже у них дома, сидя за кухонным столом, он без остановок расспрашивал о спектакле, об учебе, о вечеринке у Кости. Причем выдавал некоторые такие подробности о наших общих друзьях, что становилось понятно — Димин отец хорошо знаком с ними. Мне было настолько не по себе,

что я никак не могла решиться попросить перестать меня называть «Елена Александровна».

— А ты чего сидишь, как рыба снулая? — обратился он ко мне, закончив допрос сына.

— Я не снулая, — мой ответ, вероятно, призван был произвести на него неизгладимое впечатление об ораторских талантах.

— Как мой парень учится на твоих уроках? Рассказывай уже все честно, Елена Александровна!

— Хорошо учится... — боже, почему я краснею?

— Ты так тухнешь, потому что думаешь, я против ваших отношений?

Я нашла в себе силы кивнуть.

— Да нет... Димка у меня... Знаешь, он рациональный и взрослый. Наверное, после аварии сразу стал рациональным и взрослым. И я уж точно не стал бы лезть в его личные дела. И он, тем более, вряд ли бы мне это позволил. Поэтому, если тебе нужно мое мнение, вот, держи — я не против.

Кажется, мне стало чуть легче. Ровно до того момента, как он добавил:

— Я вообще, грешным делом, побаивался, что его Костян переманит в их голубую братию! А я бы на старости лет рыдал в подушку по причине отсутствия внуков... Так что рыба — далеко не худший вариант!

Я поперхнулась чаем. Язык без костей — это у них наследственное...

— А давай-ка, Елена Александровна, мы его за винишком выпроводим, а сами потрешим наедине? — заговорщически шепнул Виктор, чуть наклоняясь вперед, как будто сына тут и не было.

Дима недовольно нахмурился и перевел взгляд на меня. Я решила, что лучше сразу разрешить все вопросы с его отцом, поэтому ободряюще ему улыбнулась и согласилась.

Когда мы остались одни, мужчина вдруг стал серьезным.

— Елена Александровна, я хочу с тобой поговорить открыто и надеюсь на честность. Сможешь?

— Смогу, — мое смущение прошло, а нутро заполнялось решимостью выдержать хотя бы этот разговор.

— Послушай... Димка, действительно, к тебе относится серьезно. Он рассказал мне с тебе еще пару месяцев назад. А как я понял, у вас с ним даже толком ничего тогда и не было. Я знаю сына. И знаю, что это не пустозвонство. Верю, что у вас все может получиться. Но... ты ведь знаешь про отъезд?

— Да.

— Несколько дней назад он мне вот что заявил — якобы, может поступить в местный вуз на юриста, а в Финансовый университет в Москве заочно на международные экономические отношения. Получить тут два высших, вместо поездки. Знаешь об этом?

— Нет.

— Так вот... — он продолжал задумчиво. — Университет этот, который московский, очень хороший, престижный, я не спорю. А в местном я и сам когда-то учился на юридическом факультете... И в денежном вопросе я бы два вуза потянул, и Димка сможет — не сомневаюсь, но... Меня смущает, что раньше ему это даже в голову не приходило. Никогда он не думал о том, что не поедет после выпуска к матери! Да, говорил, что потом вернется, да, говорил, что ему там не особо нравится, но это были его единственные планы на учебу. А тут он все уже разузнал и всерьез обдумывает другой вариант. Понимаешь почему?

— Да, — сердце сжалось. Я не приму от Димы никаких жертв.

— И что ты собираешься делать?

— Ничего, — я была уверена в ответе, хоть и больно было дышать. — Он уедет в Бельгию, как и планировал все эти годы. Если у нас все будет серьезно, то мы будем вместе. После.

— Хорошо, — ответил Виктор, хотя задумчивость из его голоса так и не пропала.

Как только мы с Димой вышли на улицу и пешком отправились к моему дому, я сразу сказала о том, что узнала от его отца и о том, что я тому ответила.

— Лен... послушай. Вариант-то хороший, если подумать. Мне не понравилось у матери, жить там пять лет само по себе будет мучением. Другая обстановка, другие люди... А тут — Финансовый университет при Правительстве...

— Нет. Если ты сейчас передумаешь, я всегда буду винить себя в этом, зная, что ты изменил планы только из-за меня. А значит, не буду счастлива — с тобой или без. Сделаешь это со мной?

Он думал очень долго.

— Ладно.

Я сама взяла его за руку. На улице было темно и морозно. Дорога неблизкая, но настроение у обоих как раз соответствовало желанию подольше идти — вот так, вместе, держась за руки.

— Дим, ведь ты можешь надоесть мне гораздо раньше!

— А ты мне уже надоела! Я сегодня переночую у тебя, чтоб закрепить результат.

— Это будет омерзительно!

— Меня воротит от одной только мысли!

Мы шли дальше, смеясь. Забывая о том, что будет.

Любовь — это не влюбленность. Это спокойное, тихое чувство полной гармонии с самим собой.

Губы уже горели от поцелуев, но дальше дело не шло. Не знаю, что сдерживало Диму, но он не давал волю ни рукам, ни языку. Я уже была готова кричать от бессилия. Поэтому спросила, чуть отстранившись от его губ:

— Тебе домой не пора, школьник?

Он рассмеялся, запрокинув голову.

— Неа. Завтра воскресенье. Я, пожалуй, еще тут поторчу.

— Зачем? — все-таки я была раздражена.

— Тебя хочу!

— Не похоже!

Лукаво прищуриваясь, он снова приблизился к моему лицу.

— Чего это тебе не похоже? Опусть-ка руку на мою ширинку, потом прочитай учебник по биологии за восьмой класс, потом сложи два и два. Всему тебя учить надо!

Я смутилась:

— Дим, ну правда... Ты какой-то... зажатый. Я не могу так! Чего ты хочешь добиться?

— Чтобы на этот раз ты меня изнасиловала, — прошептал мне на ухо. — И мы будем квиты.

Ну не идиот ли? Я ответила ему таким же шепотом:

— Ты меня и в прошлый раз не насилдовал.

Он устремил глаза в потолок и как будто задумался. А потом неожиданно заявил:

— А. Тогда ладно.

И тут же, легко подхватив меня на руки, понес в комнату и положил на кровать. Сам, еще улыбаясь, навалился сверху. Эм-м, кажется, инициативу я упустила полностью.

Но Дима был нежен, он не спешил. И, как мне показалось, его тело слегка дрожало под моими пальцами. Поцелуи постепенно наливались страстью, а в телах нарастало напряжение. И только услышав мой судорожный стон, он решил освободить меня от одежды. А после этого быстро снял и свою. Его губы перемещались от моего лица к шее, груди, животу. Я гладила его спину, плечи, наслаждаясь прикосновениями к такому желанному телу, прижимая его еще ближе. И остро ощутила тот момент, когда он перестал себя контролировать. Его движения стали напористее, сильнее, зрачки почти полностью затопили глаза. Я не сдержала удовлетворенный протяжный выдох, когда наконец-то ощутила его в себе. И снова губы. И снова впивающиеся в его мышцы пальцы. И наше рваное дыхание. И сотрясающее все тело волна, оставляющая после себя только дрожь и истому.

И только через полчаса мы нашли в себе силы отправиться в душ. Конечно, вместе.

— Ты на меня пялишься! — сказал Дима, даже не открывая глаза.

— Хочу и пялюсь. Ты развалился на моей кровати, так что имею право!

— Зануда!

— Утро уже. Чья очередь готовить завтрак?

Он все же нехотя приоткрыл один глаз.

— Я умею только макароны...

— Сойдет!

Глаз снова закрылся, но губы растягивались в улыбке. Рука молниеносно обхватила меня за талию и с силой прижала к теплому телу.

— Ленка... Как же ты вкусно пахнешь.

Ну ладно. Макароны подождут. А нам надо еще успеть надоесть друг другу. И для этого придется узнать поближе. Как можно ближе.

Он уезжал третьего июля. Виктор привез нас в аэропорт, крепко обнял сына и уехал, давая возможность попрощаться наедине. Но нам не о чем было говорить. Наверное, мы оба в последние несколько минут перед расставанием переживали наши последние несколько месяцев.

В феврале общие друзья воспринимали нас не иначе, как пару. В школе о наших отношениях никто, за исключением близнецов, так и не узнал. Игорь с Костей, которые начали встречаться с первого же дня знакомства, к тому времени уже постоянно громогласно ругались из-за пустяков и тут же мирились, чем очень веселили всю компанию. По-моему, они замечательная пара.

В марте Дима фактически переехал ко мне. Мы не обсуждали этот вопрос, просто так вышло. Будущее мы тоже не обсуждали.

В апреле он предложил мне ехать вместе с ним. Я серьезно обдумала этот вариант, но не смогла согласиться. Тут недалеко, в пригороде, живут мои родители. Тут все мои друзья и близкие. Не знаю, готова ли я к такой долгой разлуке с ними. Но самое главное — работа. Я всю жизнь, с самого детства, мечтала стать учителем. Вряд ли это правильно —

отказываться от одной мечты ради другой. И я не собиралась жить на содержании у его родителей так долго, а незнание языка помешало бы найти хорошую работу. Дима понимал это и не спорил.

В мае мы впервые серьезно поссорились. Из-за разбитой Димой тарелки. Меня так сильно разозлила эта самая тарелка, что я припомнила ему и тот случай, когда он напился, и то, как он целовался с Элей на репетиции, и Катюшу, и Никитины таблетки, и то, что он никогда не ставит свою зубную щетку в специальный стаканчик, и то, что плохо готовится к предстоящим экзаменам, и зачем он вообще появился на свет. Он перестал отвечать уже на Никите, и просто ждал, когда я наконец-то скажу, что меня на самом деле так злит. Я не сказала. Просто расплакалась.

В июне суета, связанная с экзаменами, немного отвлекала от ненужных мыслей. На выпускном ко мне подошел Виктор и сказал: «Елена Александровна, слушай... Я тут все думаю... Дима и правда может получить образование в России. Это только вам двоим решать. И мы с его матерью не станем никого из вас осуждать, он это знает... Жизнь не ломают из-за надписи на дипломе. Понимаешь?». Я не понимала. В тот же день Дима сказал, что не уедет. Я ответила, что не согласна с таким решением, что все это — только глупые детские фантазии, что если наша любовь настоящая, то она выдержит испытание разлукой. Он согласился, но заявил, что если я не приеду хотя бы на пару дней осенью, то он приедет сам.

Он уезжал третьего июля. Когда объявили посадку, Дима прижал меня к себе. И вот как раз в этот момент я чуть не сорвалась. Но удержалась. Он прошептал мне что-то неразборчивое напоследок, немного резко развернулся и ушел. Я смотрела в пол, чтобы не видеть его спину.

И тоже развернулась, и тоже пошла. Оставив здание аэропорта позади, я направилась куда-то, ощущая свежесть раннего летнего утра. Потом зашагала быстрее. Потом побежала.

Может быть, мы увидимся осенью. Или через год, следующим летом ты приедешь сюда на каникулы. А может, никогда. Может, мы выдержим пять лет разлуки. Может, нет. Но я запомню тебя. Запомню, как ты улыбаешься, прижимая к правому клыку кончик языка. Запомню, какие серые, какие сумасшедшие серые у тебя глаза. Запомню, как ты хмуришься, когда злишься и как быстро забываешь причины своей злости. Как ты подрался в школьной столовой, как поставила твою музыку на телефон, как нас заперли в классе, как танцевали, смеялись и ссорились из-за разбитой тарелки, как были вдвоем посреди толпы на замерзшем озере, как просыпались утром вместе и шли в школу каждый отдельно. Тебе сейчас так же тихо, как и мне? Лишь бы это лето перенести, а потом неизбежно станет легче. Смешно теперь от того, как долго я не могла произнести твое имя. Это самое смешное, что со мной случалось в жизни. А пока я просто буду бежать и бежать, пока не задохнусь. Пока не упаду. Пока боль в легких не перекроет эту тишину.

Лишь бы это лето перенести, а потом неизбежно станет легче. Лишь бы перенести.

Первое сообщение пришло только через две недели.

Он: Манал я эту Бельгию! Возвращаюсь. Дело не в тебе, не думай там о себе слишком много, дело в Бельгии! Погощу у матери месяц и...

...и что-то еще. Много. Но я потом только смогу прочитать. Тысячу раз.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net